КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

(246)

февраль 2019

БРАТСТВА В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
стр. 3

ЖИТЬ ВМЕСТЕ С БОГОМ И ЧЕЛОВЕКОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
стр. 16

СУДЬБА ДОМОВ-ХРАМОВ
стр. 22

ТЕМА

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ

стр. 10–15, 22–29

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

XIII Научно-богословская конференция

13.05 — 15.05, Москва – Подмосковье

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: служение церкви и ее устройство

Свято-Филаретовский институт продолжает серию научно-богословских конференций, посвящённых православной экклезиологии. На конференции 2017 года обсуждались церковная рецепция евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева, а также современные трактовки значения Евхаристии в формировании и жизни церковного собрания. Состоявшийся разговор выявил ряд проблем, связанных с пониманием само́й природы Церкви и её границ, что стало темой майской конференции 2018 года, которая в свою очередь выявила новые вопросы о взаимосвязи устройства Церкви и её служения.

Соотношение призвания Церкви и её устройства остаётся недостаточно осмысленным. Особенно страдает тема частого несоответствия исторического бытия Церкви евангельской норме, где среди прочего остро стоит вопрос о причинах редукции харизматического начала в пользу доминирующего на сегодняшний день начала институционального. В недостаточную разработанность этих аспектов экклезиологической теории часто упираются возможности практического осуществления христианами своей ответственности за весь мир в современных реалиях, в условиях доминирования секулярных принципов устройства социальной жизни как в национальном, так и в международном масштабе.

ОРГКОМИТЕТ:
Тел.: +7 (495) 623-03-80
+7 (968) 937-34-64 Алина Патракова
+7 (965) 297-92-07 Анна Сафронова
E-mail: conference@sfi.ru

Содержание

ФЕВРАЛЬ 2019

~ **Новость номера**

Константинополь, Украина и томос | 2

~ **Событие**

Братства в эпоху Гражданской войны | 3

~ **Живое предание**

Преодолевая беспамятство | 7

Братский помянник | 20

~ **Тема номера**

Объятия Отчие открыть мне поспеши… | 10

Судьба домов-храмов | 22

«Скит для других» | 26

~ **Открытая встреча**

Жить вместе с Богом и человеком в современном мире | 16

~ **Свидетельство**

«Я хочу вечно жить». Блокадный дневник | 30

Издание Преображенского содружества малых православных братств

КИФА

gazetakifa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 24 января 2019 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 1 февраля 2019 г.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06–71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11 (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Новомученики и исповедники Российские. Фото разных лет.
На четвёртой странице обложки: На первой «Русской беседе» в Культурно-просветительском центре «Преображение».

Новомученики и исповедники, которых мы особенно вспоминаем в феврале (и, я надеюсь, во все другие дни церковного года) – настолько близкие к нам по времени святые, что мы можем пока ещё поговорить с теми, кто их хорошо знал. И из этих рассказов встаёт образ той церковной жизни, которую мы за минувшие 30 лет так и не сумели пока восстановить – естественной, братской и внутренне свободной... КФ

Александра Колымагина

Константинополь, Украина и томос

По материалам сайта Патриархия.ru и блога церковного историка священника Ильи Соловьева

Ситуация с Константинополем, Украиной и предоставлением автокефалии становится всё более больной и необратимой. Об этом за неделю до предоставления Украине томоса об автокефалии предупреждал Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Вот выдержки из этого письма:

«Воссоединение раскольников с Церковью стало бы великой радостью как для православных Украины, так и для всего православного мира, если бы проходило в соответствии с предписаниями канонического права, в духе мира и любви Христовой. Но нынешний политизированный процесс принудительного объединения далёк от норм и духа святых канонов. Ему сопутствует чудовищное нагромождение лжи...

Ваши советчики уверяли Вас, будто епископат Украинской Православной Церкви готов поддержать политический проект киевских властей, будто значительная часть, десятки канонических епископов ждут лишь Вашего благословения, чтобы покинуть свою Церковь. Я предупреждал неоднократно, что Вас вводят в заблуждение. Теперь Вы можете убедиться в этом воочию.

На так называемом «поместном соборе» присутствовали лишь двое из 90 епископов Украинской Православной Церкви. То, что Вы называете «поместным собором», стало собранием раскольников под прикрытием имени Святой Константинопольской Церкви. Что это, как не легализация украинского раскола, которой Вы публично обещали не допустить?

...Из двух упомянутых Вами епископов Украинской Православной Церкви, которых Вы вопреки канонам приняли в свою юрисдикцию, только один был епархиальным архиереем. Но духовенство и паства его епархии не приняли его действий...

В настоящее время местные власти оказывают давление на духовенство епархии, угрожают священникам расправой, но клирики, монашествующие и миряне не желают находиться в общении с архиереем, который предал их и Церковь.

Упомянутый Вами митрополит Александр, также запрещённый в служении Синодом в Киеве, имел в своем ведении единственный храм: в его общине возник конфликт, а духовенство храма в большинстве своём уклонилось от сослужения с отпавшим архиереем...

В Вашу резиденцию привозили сотни тысяч подписей верующих Украины в поддержку Украинской Православной Церкви и с просьбами не подрывать её единство. Вы проигнорировали их. И теперь Вы не хотите услышать голос Украинской Православной Церкви, которая стоит на пороге новых тяжких испытаний.

Уже сейчас архипастырей и духовенство на Украине под надуманными предлогами вызывают на допросы, шантажируют, угрожают близким людям, проводят обыски в храмах и жилищах, оказывают давление на семьи и детей... Таким Вы видите объединение православных Украины?

...Если Вы поступите в соответствии с намерениями, изложенными в Вашем письме, то причинённые Вами страдания православных украинцев последуют за Вами на Страшный суд нелицеприятного Господа нашего и будут свидетельствовать перед Ним против Вас. Всем сердцем молюсь, чтобы этого не случилось. Ещё не поздно остановиться».

Несмотря на эти предупреждения, 6 января Константинопольский патриарх вручил главе новообразованной ПЦУ (фактически представляющей собой объединение двух неканонических структур: УПЦ КП и УАПЦ) митрополиту Епифанию (чей сан был получен в расколе) томос об автокефалии.

В своём комментарии к произошедшим событиям известный историк церкви священник Илья Соловьев с горечью пишет: «Существующая в православном мире Поместная церковная система довела мировое Православие до, кажется, уже предпоследней черты кризиса. Нет больше единства, невозможно обсуждение в единстве мира и любви всех тех насущных проблем жизни христианской, которые стоят перед нами.... Увы! Что же дальше? Как будет жить церковное сообщество в XXI веке без внятного церковного законодательства? Ответ прост: по произволу местного церковного начальства... Но что тут остаётся от Церкви, как общины верных, связанных между собой единством веры и любовью? И ведь это теперь ясно уже во всемирном масштабе...»

Братства в эпоху Гражданской войны

Интервью с сопредседателем оргкомитета конференции «Православные братства в истории России: явление единства в разрозненном мире», председателем Свято-Елизаветинского малого православного братства Олегом Глаголевым (Екатеринбург)

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото с сайта pokayanie1917.ru

Конференция, которая пройдёт в этом году в Екатеринбурге, не первая: теме истории братств уже были посвящены две конференции – «Православные братства в дореволюционной России: приоритеты деятельности» (2017 г., Подмосковье) и «Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов» (2018 г., Санкт-Петербург). Насколько эти конференции друг друга продолжают?

История церковных братств ещё только начинает осмысляться всерьёз. Это пока десятки работ, есть прекрасные, но большинство из них не кандидатские и докторские диссертации, а студенческие, защищённые в магистратуре и на бакалавриате разных вузов. Многие знают о периодах большого подъёма настоящей братской жизни, например, в XVI–XVII веках в Юго-Западной Руси или в первой четверти XX века по всей России и особенно в Петрограде, но сейчас мы всё больше узнаём и другие примеры церковных братств, не такие многочисленные, но значимые для понимания церковной жизни, особенно в XX веке. Поэтому мы на конференциях стараемся говорить о малоисследованных братствах и периодах истории братств, и продолжаем рассматривать те темы, которые на сегодняшний день наиболее известны, по которым есть специалисты.

У предстоящей конференции есть специальная тема, охватывающая совсем небольшой исторический отрезок: «Братства в эпоху Гражданской войны». Информации по этой теме на сегодняшний день немного, ей мало ещё занимались, но то, что есть, очень интересно и важно. Этой теме у нас будет посвящено первое пленарное заседание и отдельная секция, где мы будем говорить о том, как люди вместе исповедовали и защищали свою веру, какова была реакция на войну, голод, клевету на церковь, на всю агрессию зла, которая обрушилась на нашу землю.

Каковы перспективы? Планируются ли дальнейшие конференции на эти темы?

Сегодня трудно сказать, будут наши конференции ежегодными, как в эти три года, или между ними немного увеличится временной интервал. Но несомненно, они продолжатся, потому что

мы видим, что это очень важный, глубокий и древний пласт христианской жизни, который напрямую связан с простым исполнением евангельского откровения, данного Самим Христом: о любви к ближнему, о несении креста и служении Богу, о том, что все христиане дети одного Отца. Ведь это понимание церкви как семьи Христовой никогда не прекращалось, хоть её старались и стараются обратить то в государственное ведомство, то вообще в резервацию. И нам хотелось бы найти в разных периодах церковной истории свидетельства о жизни общин, братств, сестричеств и различных духовных союзов, посмотреть на это повнимательней, позорче. Нужно понять не только как

Когда мы говорим даже об огромном братском движении в Петрограде, мы понимаем, что в масштабах всей Русской православной церкви это капля в море. Мне кажется, этого никогда не было много, и поэтому мы вынуждены внимательно смотреть на то, что было, на то, что есть.

это происходило, но и что этому способствовало в церковной и общественной жизни, и в то же время какие в этом были несовершенства, что не получалось. Было бы легкомысленно говорить о том, что общины и братства – это всегда только хорошо. Известно, что под именем братств также собирались агрессивные и радикальные националистические и политические союзы, они сыграли и играют свою отрицательную роль, компрометирующую святое дело и самое понятие христианских братств. А иногда это были официальные государственные и церковные структуры, очень формальные, созданные для всяких отчётов и собирания денег. Это не многим лучше. Братский путь, который не зря считают царским путём в церкви, на сегодняшний день не закрепился как основная парадигма церковной жизни.

Почему в этом году местом проведения конференции выбран Екатеринбург?

В Екатеринбурге члены Преображенского братства живут с самого начала 1990-х, сначала это была Георгиевская община, а сейчас – два малых православных братства: Свято-Екатерининское и Свято-Елизаветинское. Для нас дело чести и большая радость принять братскую конференцию. Она, надеемся, станет достойным продолжением фестиваля «День православных братств», который в прошлом году мы проводили в Екатеринбурге вместе с епархиальным Миссионерским отделом и другими братствами нашей митрополии: Иоанно-Предтеченским братством «Трезвение», Свято-Успенским братством, Сестричеством милосердия и приходами, которые ориентируются на общинную и братскую жизнь.

Для нас было важно, чтобы и в этом году в нашем городе собрались те, кто к братской жизни уже как-то привит, кто почувствовал вкус к ней, чтобы они могли общаться с людьми из других городов, из других епархий и из других стран.

Как фестиваль «День православных братств» в прошлом году, так и в этот раз конференция организуется Миссионерским отделом Екатеринбургской епархии по благословению митрополита Кирилла. В этот раз она пройдёт в рамках традиционной Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История», посвящённой новомученикам.

Несомненно, выбор для проведения нашей конференции знакового места – Ганиной Ямы – указывает и на трагедию огромного разделения русских людей в годы революции и Гражданской войны, покаяние за которое ещё не принесено, и на убийство царя Николая II, его семьи и свиты, столетие которого мы вспоминали в минувшем году.

В рамках этих конференций идёт обращение к истории. Но тем не менее это знание актуально сейчас – и, может быть, особенно актуально в момент, когда возникают такие явления, как украинский кризис, как разрыв евхаристического общения между Москвой и Константинополем. Устроители конференции думали каким-то образом выходить на значимость общинного, братского опыта для современности?

В повестке и программе таких тем нет. Но, конечно, сегодня, когда православный мир находится в тяжёлом кризисе, речь об этом не может не зайти – и в кулуарах, и, возможно, в самих докладах, и в дискуссии. Недаром в названии конференции есть слова: «явление единства в разрозненном мире». Мы, конечно, предполагаем, что братская, общинная жизнь, как это случалось в истории и как это сейчас происходит в настоящих братствах – это ответ на то разделение, которое предлагает мир сей, в том числе вкрадываясь политическими, экономическими, националистическими силами в церковную жизнь. Ведь что мы сейчас видим? Как протекают споры во время этого разделения? Все говорят, на какой канон они опираются, правилен ли был в том или ином случае канонический подход, насколько исторически обусловлено то или иное решение. Но ведь сейчас совершенно ясно, что идёт борьба за то, чтобы церковь оставалась церковью. Важнее сейчас не разговоры, кто канонически и исторически более прав. Эти споры могут продолжаться бесконечно, усиливая вражду между спорящими и вызывая в лучшем случае сострадание, а скорее только насмешки и презрение у внешних людей. Первостепенное значение будет иметь то, смогут ли люди, называющие себя православными христианами, взять ответственность и за провозвестие Христа в этом мире, и друг за друга перед Христом, и за живую православную традицию, и за доброе имя церкви в этом мире; насколько они смогут объеди-

Один из руководителей Александро-Невского братства (Петроград), наиболее известного из братств, родившихся в период Гражданской войны – сщмч. Иннокентий (Тихонов)

Архиереи уничтожались советской властью наиболее последовательно, и первыми из них часто были те, кто поддерживал братства и братские движения – так, как это делал сщмч. митрополит Вениамин (Казанский)

ниться, отринуть разделяющие их политические влияния, которые сильны везде: и в Константинополе, и в Москве, и в Киеве. Вот что важно. Смогут ли они миссионерствовать, смогут ли жить так, чтобы их по любви друг ко другу и к Богу узнавали? Многие исторические братства, конечно, здесь – настоящий пример, к которому стоит обратиться.

Когда после революции, во время Гражданской войны и в эпоху многочисленных последовавших за этим церковных расколов на территории бывшей Российской империи была большая рознь, то рознь эта насаждалась и сверху от различных политических сил, и снизу, когда церковь делилась на какие-то группировки, правые и неправые. И не всегда могли сохранить свою церковность те, кто внешне был прав, но не искал мира с неправыми. Иногда какие-то группы героических людей, которые старались хранить свою чистоту, вдруг оказывались совершенно сектантскими. А были общины, казалось бы, очень замкнутые, но тем не менее сохранявшие внутри себя братскость, преданность Евангелию, помощь друг другу. Они держались церковной традиции, её неформально воспринимали и развивали в тяжелейших условиях, то есть были благодатно привиты к церкви, разделяя её скорби, сохраняя чистоту христианской веры и жизни. Они оказались способны православие не только являть, но и передавать. И до сих пор их свидетельство сияет. Мы можем говорить о братстве еп. Макария (Опоцкого), об общине архим. Сергия (Савельева), о мечёвцах, об Александро-Невском братстве. Есть и ещё братства, менее открытые в истории, но также сумевшие пережить это зло, вражду, разъединение и не потерять ни Бога, ни друг друга, не дать вере исчезнуть.

Это удивительно, что сейчас Вы вспомнили Александро-Невское братство и мечёвцев, потому что поверх, казалось бы, разделяющих их вещей (ведь Александро-Невское братство всегда было среди поминающих, а мечёвцы были непоминающими) потом в Средней Азии те, кто остался в живых, пребывали в полном общении и единстве.

Если же говорить о малоизвестных братствах, то возникает вопрос об источниках. Ведь по времени после 1917 года источников или мало, или они недостоверны. Участник прошлогодней конференции о братствах историк Владимир Лавренов говорил, что у него есть подозрения: в очень многих местностях шла целенаправленная зачистка архивов с целью уничтожения следов подлинной церковной жизни, в том числе братской жизни. Каким образом эта проблема принимается в расчёт, когда будет идти речь о масштабах братских церковных движений в то время, о котором пойдёт речь на конференции?

Это действительно трудный вопрос. Источники часто уничтожались самими братчиками из соображений конспирации. Больше того, не только в 1930-е годы, но и в позднее советское время люди практически не говорили слов «братство» и «община». Один из примеров, известных мне: мечёвец архим. Борис (Холчев) в разговорах со своим учеником и младшим другом о. Павлом Адельгеймом

этих слов не употреблял. И понятно почему. Отец Павел сам говорил нам о том, что эти слова, если бы они кем-то были услышаны, скорее всего, были бы восприняты как свидетельство существования организации. И люди после десятилетий кровавых гонений просто вели себя осторожно и этих слов не использовали.

Источников действительно очень мало, и мы должны на сегодняшний день признать, что братств и общин тоже было невероятно мало. Когда мы говорим даже об огромном братском движении в Петрограде, мы понимаем, что в масштабах всей Русской православной церкви это капля в море. Мне кажется (хотя сам я не историк, но всё-таки историей братств, особенно братств XX века, занимался как журналист, сценарист и режиссёр документальных фильмов), этого никогда не было много, и поэтому мы вынуждены ещё внимательнее смотреть на то, что было, и на то, что есть. У нас, членов братств, есть своя «оптика», своё преимущество по отношению и к светским историкам, и даже к церковным, но которые сами братской жизнью не живут. И мы бы хотели со всеми, кто сюда приедет, этим преимуществом поделиться. Потому что соучредители конференции – Преображенское содружество малых братств и Свято-Филаретовский институт, в котором историей, богословием занимаются люди, десятилетиями живущие братской жизнью, порой живущие в общинах ещё со времени советских гонений, пусть и поздних, не самых суровых. И конечно, тот, кто имеет братский опыт, лучше поймёт и то, как проходила братская молитва, и то, какими могли быть взаимоотношения между людьми.

Рассчитывать на то, что на наших конференциях будет неиссякаемое изобилие исторического материала, не приходится. Но, во-первых, пока ещё много не обработанных, не исследованных источников, а во-вторых, не нужно опускать руки. Такой материал будет ещё и ещё открываться. Не будем забывать, что главные открытия о Крестовоздвиженском трудовом братстве Н.Н. Неплюева, не говоря уже о братстве вл. Макария (Опоцкого) были сделаны в XXI веке! Я думаю, что нас ждут какие-то большие открытия ещё и из «петроградского куста» братств, и что-то ещё, потому что братства и общины существовали и в Средней Азии, в Казахстане, и даже где-то в Киргизской пустыне люди жили общинной жизнью; мы знаем, что это могло быть и где-то на Кавказе. И у нас на Урале существовали небольшие общинки, хотя все они уничтожались очень быстро, потому что братская жизнь – самая большая угроза всякой нелюбви, несвободе, неверию, на которых стояла большевистская власть. Уже сейчас можно сказать, что в двадцатые годы выборы епископа Льва (Черепанова) в Нижнем Тагиле (это само по себе для Русской церкви явление новое, возрождённое после Поместного собора 1917–1918 года) подготовило епархиальное братство, о чём мы совсем недавно узнали. О том, как это происходило, будет доклад на нашей конференции.

А что ещё ожидается на конференции?

Именно из-за того, что мы хотим рассматривать эпоху Гражданской войны, нам очень важен контекст, и поэтому приглашён известный учёный, занимающийся историей нашего отечества в XX веке, Кирилл Михайлович Александров; мы ждём доклады о жизни Крестовоздвиженского братства Николая Неплюева и братства о. Николая Буткина в годы Гражданской войны; на конференцию приглашены наши друзья из Союза потомков галлиполийцев – люди, сохранившие верность памяти своих предков, участников Белого движения – их в каком-то смысле тоже можно назвать братством.

Мы впервые поговорим об общинной традиции в старообрядчестве: один из докладчиков на этой секции – проректор Екатеринбургской духовной семинарии протоиерей Пётр Мангилёв.

О братствах и братских движениях в других странах собираются рассказать профессор Фессалоникийского Университета Петрос Василиадис (Элладская православная церковь) и Гамлет Закарян (Армянская апостольская церковь).

И ещё чем хорошо, что конференция проходит в Екатеринбурге: всё-таки нам было очень непросто на западе собирать людей со всей России, потому что она большая. У нас же приглашены докладчики из Омска, Иркутска, и, конечно, из Екатеринбурга.

Будет ли возможность в дальнейшем познакомиться с материалами конференции?

Мы надеемся, что трансляцию основных докладов сможем выкладывать в сети. Что же касается всех выступлений, мы стараемся издавать сборники наших конференций, хотя, конечно, из-за огромного объёма работы такой сборник появится не раньше, чем через год. Думаю, какие-то доклады опубликуют «Кифа», сайт СФИ, сайт Преображенского содружества малых братств, и их тоже можно будет прочитать. Можно и самим просто приехать на Ганину Яму: в анонсах на сайтах Преображенского братства и Свято-Филаретовского института рассказано, как можно на эту конференцию попасть и стать её слушателем. КФ

Преодолевая беспамятство

Сегодня, спустя 15 лет после кончины Сергея Сергеевича Аверинцева, мы вновь и вновь обращаемся к его опыту

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Прошло 15 лет со дня кончины академика Сергея Сергеевича Аверинцева. И все эти годы мы вновь и вновь возвращаемся и к его памяти, и к его уникальному опыту. На VII Аверинцевских чтениях, проходивших в Твери в ноябре прошлого года и организованных тверскими малыми православными братствами, именно это стремление как бы вновь встретиться с ним через разделившее нас время звучало и в докладах, и в тех интервью, которые дали «Кифе» участники конференции.

У С.С. Аверинцева был удивительный семейный опыт. Он был поздним ребенком, воспринявшим от родителей такую традицию воспитания и образования, которую в большинстве семей советского периода уже не сохранили. А как нам в ситуации ещё большего разрыва преодолевать историческое, духовное и культурное беспамятство?

А.В. Марков, доктор филологических наук (РГГУ), кандидат философских наук (МГУ имени М.В. Ломоносова): Я думаю, что традиционное семейное воспитание в современности невозможно не столько потому, что сама природа семьи изменилась и мы живём во времена нуклеарной семьи, состоящей только из родителей и детей, сколько потому, что семья чаще оказывается механизмом поддержки, чем организмом. Задача обрести органическую жизнь и органическое знание – в наши дни скорее вызов: заданность, а не данность. Мы сейчас видим, как

то, что дети не получают в семьях, они получают из дружеского общения, из довольно раннего освоения весьма сложной литературы, включая драматическую и психологическую, из создания собственных сообществ в школах. Сами игры становятся другими, не только под влиянием компьютерных стратегий, но благодаря тому, что весьма рано детям приходится задумываться о стратегии собственной жизни. Семейное органическое восприятие знания вполне возможно в современности, и счастливы, кто быстро его воспринял, но кажется, оно не даётся уже от начала до конца. Знание – чудесная цель, на пути к которой, как в волшебной сказке, нужно преодолеть большие препятствия, а чудесные помощники культуры непременно появятся.

Руководитель Миссионерского отдела Тверской епархии протоиерей Александр Шабанов: Конечно, тяжело, печально, что нет воспитания, что оно прервано. Могу сказать, что я родился в советское время, в 1969 году, и меня воспитывали «время от времени». Но дома была библиотека и была культура чтения. То есть, пользуясь определением Бердяева, во мне развивали «волю к культуре» собственным примером. Хотя я особенно не помню, чтобы мама читала. Отец иногда. Но они говорили, что это нужно делать. Считалось, что семья имеет большую ответственность за интеллектуальное, духовное развитие ребенка. Тогда на школу особенно не надеялись. А сейчас у нас на приходе молодые родители говорят мне, что им некогда, они зарабатывают деньги; им важно, чтобы ребенок поел, попил, куда-то поехал, а всё остальное должна делать школа. А школа говорит – у них программа. То есть происходит некое «отфутболивание». Кроме того, за последние 25–30 лет пропала культура воспитания бабушек и дедушек. Нынешние бабушки и дедушки – это те, кто вырос в советское время. Их тоже особо никто не воспитывал. Раньше, когда меня, скажем, отправляли к бабушке и дедушке, это всегда было погружение в архаичный (в хорошем смысле) мир рассказов о прошлом: о военном, послевоенном времени, о городе, о том, какой Тверь была раньше. Сейчас современные бабушки и дедушки как воспитательный или информационный источник «не тянут». Их самих «воспитывали через раз». Какие они сказки рассказывают? Или песни поют? В моем детстве бабушки и дедушки действительно, были носителями, условно говоря, народной культуры. Они передавали какие-то жизненные представления из собственного опыта. А у нынешних с этим сложно.

Но ведь перед нами стоит задача преодоления исторического и культурного беспамятства не только в семье, но и в целом народе...

А.В. Марков: Для меня историческое и культурное беспамятство прежде всего связано с очень большим опытом насилия, которого до сих пор много в нашей жизни. Нашим людям кажется, что насилием можно быстро решить любые вопросы, накричав, настояв на своей позиции, мня её раз и навсегда определённой. И конечно, память всегда ослабляется там, где человек боится собственной памяти, тяжёлого пережитого. Думаю, идущая в самых разных областях (начиная от смягчения нравов в академической или церковной среде и кончая нынешними новыми левыми или феминистскими движениями) критика насилия необходима для возрождения памяти, соглашаемся ли мы с подробностями этой критики или нет. Память всегда необходима как опора поступка, как уверение, что этот поступок совершил именно ты, а не кто-то другой за тебя.

Когда человек находится в ситуации бесправия, любые его воспоминания расходятся с его нынешним положением. Память подсказывает ему, что он был и умён, и талантлив, и вдохновен, а теперешнее положение говорит о переживаемом унижении, о необходимости выполнять какие-то рутинные, никому не нужные задачи. Его положение, в том числе и семейное, тогда превратно – он мыслит себя хозяином или рабом, как ветхий человек. В ветхом человеке прекращается память о собственном таланте, а после прекращается память о счастье, включая счастье семейной памяти.

Протоиерей Александр Шабанов: У меня ответ очень простой. Строится он на том, что у каждого человека есть своё личное пространство, личное поле. Я как пастырь говорю своим прихожанам, у которых есть дети: «Ваши дети – это ваша ответственность перед Богом. Ни школа, ни дальние родственники, ни организации не будут отвечать за них. *Вы* будете отвечать. Поэтому вы в своем личном пространстве будьте христианами, будьте людь-

ми культурными, будьте людьми ответственными, будьте педагогами и т. д. И тогда вы в вашем мире сделаете то, что не сделает никто другой. Это будет ваш вклад, чтобы наш обширный народ пусть изменился, но сохранился». Но это лежит в зоне личной ответственности. Это очень простая антропологическая категория. Если человек понимает, о чём речь, он это в себе развивает. Если не понимает, надо объяснять.

Аверинцев являл собой не только пример сохранения памяти, но и пример подлинного благородства. Не случайно известный искусствовед-византинист О.С. Попова назвала его «рыцарем христианства». Она говорила, что преданность, честь, долг – то, что сейчас размыто или даже вообще смыто, – для него были необходимыми качествами. Он не только принадлежал церкви как верующий христианин, а именно служил ей как верный рыцарь. А как нам сегодня в себе и в своих детях возрождать это благородство, понимание необходимости достоинства, преданности? Мы как-то спрашивали людей о чести, и оказалось, не все даже помнят, что это такое. Не могут сформулировать.

А.В. Марков: Честь и благородство возможны у свободного человека, и главное – человека, готового выступать перед другими людьми. Сам идеал европейского благородства включал в себя не только аристотелевский идеал дружбы как преодоления смертности благодаря тому, что друг может положить за тебя душу, но и риторический цицероновский идеал публичного выступления как новой и второй природы, которую человек приобретает внутри страны как внутри служения другим. Понятно, что благородство узнало множество перипетий, но мы никак не можем сказать, что благородство когда-то существовало как какое-то естественное состояние человека. Всегда оно *воспитывалось*, причём воспитывалось исходя из весьма жёстких исторических задач, стоявших и перед Афинами, и перед Римом, а после – перед всем христианским миром. Если говорить, как сейчас действовать благородству, думаю, что оно возможно как свобода – не в смысле освобождения от чего-то, а в смысле знания, как рассказать об этой свободе другим, как им её подарить. И когда дети научатся не только быть свободными, но и дарить эту свободу, передавать её другим, не применять насилия, хитрости или каких-то ещё подобных действий по отношению к другим, тогда только и возникнет благородство.

Поэт О.А. Седакова говорит о новом благородстве, что это в первую очередь сострадание.

А.В. Марков Думаю, да. И сострадание, и жалость, и любовь – всё очень близкие понятия. Здесь важна как естественная и воспитанная эмпатия, способность поставить себя на место чужака, так и некоторые более сложные вещи, такие как умение работать с собственным воображением, быть осторожным с собственным словом. Потому что бывает, что человек, казалось бы, сострадателен, а словом ранит других. Или беспокоится о здоровье людей, но не думает, что кроме здоровья у них есть ещё и другие потребности, о которых он забывает. Поэтому думаю, что настоящее сострадание подразумевает умение властвовать собой: смиренно контролировать и собственное слово, и собственное внимание, и собственное участие.

Протоиерей Александр Шабанов: Я подозреваю, что благородство – это некое обобщение, в котором есть несколько качеств. Например, честность: не ври. Искренность – не будь двуличным. Сострадательность – жалей близких. Когда всё это вместе соотнесено и сверху наденем шлем, то это и будет благородство. Человек благородный – это тот, кто вмещает в себя малые, казалось бы, добродетели.

И здесь всё просто. Основная мысль Евангелия такова, что у нас всё плохо и с этим надо что-то делать всем и всегда, до самой смерти. КФ

VII Аверинцевские чтения в Твери, 2018 г.

Объятия Отчие открыть мне поспеши…

21 февраля 2019 года исполняется 40 лет со дня кончины архимандрита Серафима (Суторихина)

Беседовали Олег Глаголев и Ольга Борисова. Фото на с. 13: Олег Глаголев. Остальные фотографии из архива Н.М. Сакмаркиной

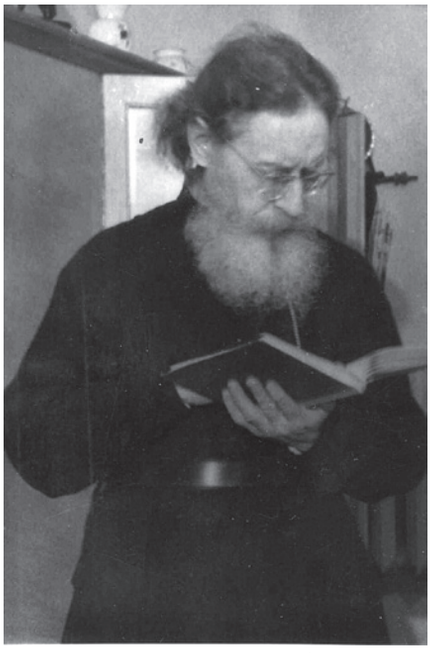
У ворот Георгиевского уголка в Самарканде. Отец Серафим (Суторихин), по левую руку от него м. Евдокия (Тимашева), рядом с ней Нина Михайловна Сакмаркина. Начало 1970-х гг.

Архимандрит Серафим – подвижник и исповедник веры, член Александро-Невского братства, известный пастырь, особенно запомнившийся своим служением в Свято-Георгиевском храме Самарканда, где он служил более 30 лет – с 1948 по 1979 год – и где вокруг него собралась община, жившая единой жизнью в «Георгиевском уголке». Об этом «маленьком монастырьке» рассказывает А.П. Арцыбушев в повести «Матушка Евдокия». А исследователь истории Александро-Невского братства С.А. Зегжда писал о нём так: «Братская жизнь, насаждённая в Петрограде митрополитом Гурием, архиепископом Иннокентием и архимандритами Львом и Варлаамом, переселилась в 1950–1970-е годы в Среднюю Азию, в этот замечательный Георгиевский уголок. В Ленинграде в те годы организовать такой маленький монастырёк было совершенно невозможно»[1].

Духовные чада о. Серафима – о. Димитрий Козулин (†2016), преемник о. Серафима в Георгиевском храме Самарканда; его супруга матушка Антонина Яценко (†2019); о. Павел Адельгейм (†2013); Алексей Петрович Арцыбушев (†2017) – с большой любовью вспоминали своего пастыря и то удивительное время, которое Господь удостоил их жить единой жизнью под духовным руководством отца Серафима. В прошлом году мы познакомились с ещё одним человеком, очень близким к о. Серафиму – Ниной Михайловной Сакмаркиной, одной из его ближайших помощниц.

Когда в 1990-х начались трудные времена и оставаться в Узбекистане стало опасно – местные жители несколько раз ночью совершали налёты на храм – Нина Михайловна перебралась в Россию. Сейчас она живёт рядом с Саровской обителью. Здесь мы её и навестили в апреле минувшего года. Нина Михайловна удивительно открытый и сердечный человек, и день, проведённый в её доме, стал для всех нас большой радостью. Целый день мы общались, смотрели фотографии (весь архив о. Серафима находится у Нины Михайловны) и расспрашивали об о. Серафиме, с которым она была рядом до последних минут его земной жизни.

[1] Зегжда С.А. Александро-Невское братство : Добрым примером, житием и словом. Новости мира, 2009.



Архимандрит Серафим (Суторихин). 1970-е гг.

Нина Михайловна, расскажите, как Вы оказались в Георгиевском храме, Георгиевском уголке? Как познакомились с отцом Серафимом?

В 1956 году я училась в седьмом классе, за партой со мной девочка сидела, Люба, и мы в одном дворе жили, а её отец и моя мама на хлебозаводе в одном цеху работали. Я крещёная с детства была (мама сказала, за Оренбургом меня крестил какой-то старенький-старенький священник), а Люба – некрещёная. Как-то разговорились, мама говорит: Любушка, ты крещёная? – Нет. – Как так? Надо покрестить.

Собрались, пришли в Георгиевский храм. Был Великий пост, первая неделя. Батюшка Серафим привёл нас в крещальню и стал объяснять азы веры. Я чувствую – правду он говорит! А что же нас учителя учат, что нет Бога? Что это обман, что это всё неправда? Правду же, правду он говорит!

Он попросил: «Нинушка, прочитай "Верую..."». На железной табличке крупно были написаны слова на славянском, я прочитала. «Хорошо!» Стал опять объяснять. Потом ему принесли обед, он поделился с нами. И до того много он проговорил, что уже зазвонили к вечерне. Мы где-то в 12 пришли, в 5 вечерня началась. На крещение полчаса, остальное беседа была. Я после этого дня стала ходить в церковь.

Люба новокрещёная немножко походила, но отец не разрешал, стал бить её, моя мама тоже меня сначала встречала как-то недружелюбно, и все родные говорили, что я от хорошей учёбы стала немножко «того» (*Смеётся*). Но я продолжала ходить.

Придём мы на беседу, а отец Серафим не говорил – это не делать, а это делать так-то, – нет, посадит и говорит: «Девушки, как дела, как учёба, как родители? Читали вот эту книгу?» И стал давать классиков – Достоевского, Лескова. У батюшки была библиотека. Я прочитаю, принесу, спрашивает: «Понравилось?» – «Понравилось». Потом перешёл уже на церковные книги. Я читала собрание Иоанна Златоустого. Потом уже первую книгу, которую он дал духовную, это – «Над Евангелием» вл. Михаила (Грибановского), эту единственную книгу он мне завещал. А остальные, перед смертью, завещал оставить в церкви, чтоб все читали. Раньше не было книг, даже молитвослов, бывало, переписывали. Трудно было с книгами.

Уже за несколько дней до смерти (я ухаживала за ним) он мне говорит: «Вот привели девушку крестить. Она сидит вроде равнодушно, а подруга её впилась в меня, слушает, слушает. Я думаю, ради неё стоит говорить, и вот столько говорил». А потом говорит: «Это ты была».

ДЕТСКИЕ ГОДЫ, СЕМЬЯ

Нина Михайловна, что о. Серафим Вам рассказывал о молодых годах, об Александро-Невском братстве, об аресте?

Он рассказывал очень мало. Годы такие были.

Его отец был священником. Когда он ещё был молодым человеком, 24–25 лет, его мучал вопрос, что же делать: жениться или в монастырь идти? А тут о. Иоанн Кронштадтский приехал на Вятку, но столько народа вокруг – он стесняется спросить при народе. И вдруг о. Иоанн говорит: «Мишенька, Мишенька, женись, детки хорошие будут». Родился о. Серафим в 1901 году. До него три сестры было, и после него ещё две родились.

Он был всегда душой молодёжной компании. В 1920-х он с друзьями поехал из Слободского. Три друга ехали поступать в институт в Москву, а он, конечно, в семинарию, в Троице-Сергиеву Лавру.

Рано утром он пошёл в Иверскую часовню, заходит, а там священник даёт возглас «Благословен Господь...». Никто не отвечает «Аминь», потому что никого нет. После молебна священник спрашивает: «Откуда ты, паренёк?» – «Из Слободского, с Вятки, поступать в Лавру». – «Будешь здесь псаломщиком». И он был псаломщиком. Условия тяжёлые, ночные службы; бывало, присядет у стенки на корточках и отдыхает, а там опять выезд ночью. А потом, когда обновленчество началось, то пришли в храм и содрали ризу с чудотворной иконы. Один из священников сказал быстрее фотографировать икону, всего было три снимка, один у батюшки остался.

Иеромонах Серафим (Суторихин). Подпись на обороте фотографии: «Папочке и мамочке, 17 августа 31 года. Ваш сын при исполнении обязанностей. В правой руке камертон, в левой – ключ от ризницы. Сняли на хорах после литургии за проповедью». Ленинград, Феодоровский храм

Началось с того, что в какой-то момент решили соединить два прихода. Иконы и церковные принадлежности из Георгиевского храма в Покровский собор перенести. Не знаю, сколько было подписей за объединение, но я точно знаю, что против закрытия храма за один раз мы собрали пять тысяч подписей. В 1961 году мне было 20 лет, я подписалась, и подружка подписалась. Были, конечно, времена гонений, и могли быть последствия. Но было пять тысяч подписей против закрытия.

Этой иконочкой он благословлял нас на экзамены, и в путь, и на все дела, в путешествия и командировки. На обороте о. Серафимом написано: «Единственное, что осталось в моей келье после заключения в Ленинграде».

ЛЕНИНГРАД, 1927–1931 ГОДЫ

В Феодоровском храме в Ленинграде он руководил хором. Приехал отец и говорит: «Ну давай, Сергей, или женись, или в монашество». У него была девушка, она канонархом была, альтом пела. Нравилась она ему. Две сестры его замужние пошли свататься. А она знала, что такие времена: священники – лишенцы, и часто их арестовывают и сажают, и плакала, но отказала. И 12 апреля 1929 года архимандрит Лев (Егоров) постриг Сергия в монашество с наречением имени Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского. 14 апреля епископ Серафим (Чичагов) посвятил отца Серафима на Федоровском подворье в сан иеродиакона, а через несколько дней – в сан иеромонаха. После пострига отец Серафим служил в Феодоровском соборном храме.

Строгий был монах, все правила исполнял, когда приезжал домой на побывку. Даже маму и сестёр не целовал. Он очень скромный был, конечно.

А на пасхальной службе целовал всех.

В 1932 году отец Серафим был назначен настоятелем Тихвинской церкви в посёлке Лесное города Ленинграда, однако пробыл здесь недолго. В феврале он был арестован и осуждён на 5 лет заключения по статье 58.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отбывал срок батюшка в сибирских лагерях до 28 декабря 1936 года. Работал на лесоповале, и почтальоном был, книги упаковывал. Бывало, говорит, иду с почты всю ночь через лес и читаю правило. Ещё он делал ледяные дорожки. На лошадях на повозке ставили бочки, и он разбрызгивал воду. Конечно, было холодно, морозно зимой. Он и руки обморозил, и ноги.

А литургию они служили в лагере? Он что-то говорил об этом?

Изредка служили. В конце отбывания его поставили помощником аптекаря. Аптека была в землянке, и все замерзали, такая там была низкая температура. И в пятницу на Страстной аптекарь уезжает и говорит: Сергей, ты сам справишься. Он остался. Великая Пятница, Великая Суббота, всё отслужил. Наступает Пасха, пропел всю Пасху. Чем же разговеться? Искал-искал, нашёл горсть пшена. Сварил, разговелся. И говорит, такая была Пасха на душе, такая радость! И в конце последние несколько Пасх он всегда плакал и вспоминал эту Пасху. Видимо, конечно, Господь не оставлял их Своей радостью.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ СЛУЖЕНИЯ

Я считаю, что ему должны прибавить к двум лагерным срокам (1932–1936 и 1938–1943. – *Ред.*)

У Нины Михайловны Сакмаркиной дома. Протоиерей Валерий Антонов, матушка Ольга и члены Свято-Георгиевского братства. 19 апреля 2018 г.

ещё два года ссылки, 1961-й и 1962-й, когда о. Серафим был лишён справки о регистрации и не мог служить. Я уже была свидетельницей этих событий, всё знала, видела, и были письма от него, и мы тоже писали.

В 1961 году закрыли храм. Повесили огромный замок. А о. Серафима сняли с регистрации и сказали, чтобы в течение трёх суток никакой молодёжи тут не было. Он почти сразу уехал. Когда его в Вятку провожали, на вокзал пришло человек 60–70. Проводники спрашивали, что за старичок? Он был одет в косоворотку, шляпу старенькую, брючки. Мы говорим – это священник.

Началось с того, что в какой-то момент решили соединить два прихода. Иконы и церковные принадлежности из Георгиевского храма в Покровский собор перенести. Не знаю, сколько было подписей за объединение, но я точно знаю, что против закрытия храма за один раз мы собрали пять тысяч подписей. В 1961 году мне было 20 лет, я подписалась, и подружка подписалась. Были, конечно, времена гонений, и могли быть последствия. Но было пять тысяч подписей против закрытия.

Каждые две недели у нас собиралась двадцатка, в основном пожилые женщины, и они ходили, просили об открытии храма. Год о. Серафим был на Вятке, на родине, у сестры жил. Семья у неё, а сама она больная была. Никакого пособия он не получал. А в 1962 году приехал в Самарканд, и жил в келье под домашним арестом, и не имел права выйти даже на территорию. А мы молились под навесом у храма, служили челобитницы и пели акафисты великомученику победоносцу Георгию. Человек 30–40 собиралось обязательно. Собирались каждое воскресенье, конечно, и каждый вторник, это точно. И в большие праздники обязательно. И молились там матушка Юния, матушка Евдокия.

Два года ходили к уполномоченному, он там 25 лет работал, – нет, говорит, Москва не разрешает открыть храм. Алексей Петрович Арцыбушев освободился из заключения в 1958 году, ему сообщили, что нам надо помочь, он тоже включился, в Москве документы подавал.

И однажды незадолго до Пасхи, видимо, где-то на Страстной неделе или на предыдущей, в очередной раз собралась двадцатка и идут в исполком к уполномоченному. Заходят:

– Ну откройте! Христа ради откройте храм! Нам надо помолиться, Пасха! Ну дайте помолиться!

– Нет-нет, Москва не разрешает.

И заявление берёт и под стекло кладёт.

А в эту же ночь был сон или видение матушке Юнии, что ворота открываются, въезжает тройка белых коней, а в карете двое военных. Один из них заходит в алтарь и открывает Царские врата.

И в это же утро приходит уполномоченный и говорит – разрешила Москва. Было такое чудо.

Рассказывают, что отец Серафим служил литургию тайно,

когда был без регистрации. Вы не принимали в этом участие?

Да, это был 1962 год. Служил после 12 ночи, никто об этом не знал. Потом мне сказали. За храмом, в переулочке рядом с кладбищем семья Боевых жила. Мать приходила и одна из дочерей. Пели литургию. Приходили тайно, уходили тайно. Многие не знали даже из прихожан.

Богослужение

Ну, что сказать, службы-то очень хорошие были. Я до сих пор вспоминаю его службы. И как он вёл службы, общее народное пение. Как по монашескому уставу службу вели. Сейчас вспоминаешь, несмотря на то, что сейчас «золотой век» для церкви наступил, с любовью и сожалением. Такого пения и службы больше нет. А о. Серафим на больной ноге (у него 14 лет была большая открытая трофическая язва с ладонь на правой ноге) на службе энергичный такой был всегда, торжественный... летел, как ангел по небу. Особенно красиво служил на Воздвижение.

Крестилось много народу?

Крестил он много, полным погружением. Для маленьких – купель была небольшая. А для взрослых – ванна большая, глубокая. Сколько крёстных было, крестников... Перед крещением говорил что-то, объяснял обязательно.

Приход. Георгиевский уголок

«Уголок» – это значит «два священника», батюшка сначала жил с отцом Петром Княжинским. А матушки тоже жили в уголке, в зелёном. Как заходишь в храм, по левую сторону зелёный уголок. Там три небольших кельи. Там монахини жили. У нас много монахинь там жило после тюрем-то. Матушки Евдокия и Юния тоже там жили.

В соседнем дворе, у отца Димитрия, жила его тёща, Катя-Большая [Пургина], она главная по хозяйству была. Была ещё Катя Малая, тётя Паша [Алексеева] – просфорница, повар. Аннушка, тётя Фёкла-алтарница, мать моей подруги Ольги. Все жили в этих постройках, в уголке.

У нас два было стояния: малое стояние – в келье у матушки Евдокии. Алексей Петрович брал крышку от казана, или железку какую-нибудь, идёт по двору и стучит – на стояние!

Значит, на стояние. Все собирались. Идём в келью к матушке Евдокии. Поём тропарь празднику, потом – великомученику Георгию, кондаки величания, а потом о. Серафим всех присутствующих благословлял Иверской иконой Божией Матери и иконой великомученика Победоносца Георгия. Потом переходили на большое стояние.

На большое стояние о. Серафим уже сидел в большом кресле, а на маленькое ногу ставил. Вечерние молитвы по очереди читали, поочерёдно акафист Иисусу Сладчайшему или Матери Божией. В первом часу расходились. Вставал он рано, в шесть часов уже стоял, молился. Если мы приходили славить, он говорил: к шести, не опаздывайте. Он пел со всеми. И плакал.

В седьмом часу уже в алтаре был, помянники большие были: полчаса о здравии поминали, полчаса – за упокой. И вот одна регентша была такая смелая, и говорит: батюшка, ну целый час Вы поминаете! Можно поменьше? – Хорошо, Катенька, в следующий раз я твоих родных не помяну». – « Нет! Как же так?! Не надо!» – «Ааа, вот так, Катенька. Твоих надо поминать и других надо, так что терпи».

Круг общения

Мы все общались, все вместе были. Кроме тех, кто постоянно жил и приезжал, часто бывали гости. Кто недели две поживёт, а кто целый отпуск. Семья Зегжды из Ленинграда приезжала. Семья Трофимовых из Волгограда, мы до сих пор с Александром Трофимовым общаемся. Я ему говорю: «Саша, если будешь писать книгу об о. Серафиме, я тебя прошу сделать заглавие “Объятия Отча отверсти ми потщися...”» – «Почему?» Я говорю: «Это было его любимое песнопение. Когда были именины, он говорил: “Я монах, мне никаких подарков не надо. Спойте мне «Объятия Отча...», праздничный хор”».

Часто бывали священники. Отец Владимир Смирнов из Москвы, из Ильинского храма приезжал с матушкой. Отец Павел Адельгейм – про него говорили, что он хороший проповедник. Потом в местной газете были антирелигиозные статьи, о нём много писали, что якобы он детей бьёт, избивает, оружие холодное у него на ковре висит... Тяжело, конечно, было. И в конце концов его посадили на три года. Там ему раздробило одну ногу, и её отняли. Когда в последний раз он был, он на одной ноге прыгал... Трое детей, средств на жизнь не было. У о. Серафима тоже никогда денег не было, но какие-то денежки он матушке Вере Адельгейм всегда набирал...

Батюшка постоянно переписывался с владыкой Ермогеном после того, как его сослали. Они такие друзья были. Когда владыка умер, прислали телеграмму о его

Отец Серафим в Георгиевском уголке с общинниками и паствой.
Самарканд, 1970-е гг.

кончине. Я как раз пришла, о. Серафим мне говорит: «Вот, прислали телеграмму о кончине владыки Ермогена. Ну и архимандриту надо собираться». Это было в 1978 году, 7 апреля. И у него начались сердечные приступы.

Болезнь. Последние дни

Потом мы его простудили на Рождество. Он на солее сам читал стихи, а фрамуги открыли, народа много – полный храм. И он на солее – как раз на сквозняке. Мало того, что были сердечные приступы, так вдобавок началось сильное воспаление лёгких, он слёг.

А когда залечили воспаление лёгких, сказали, что можно выходить. Стоим мы на большом стоянии около него, молимся... Весною это было, в феврале, 17-го вечером, уже поздно заканчивали, часов в 10... А я недалеко, постоянно смотрю... Вижу – он молится, а у него изо рта выходит пена розовая. У меня сердце ёкнуло, – это всё, что-то страшное. Вызвала скорую помощь. Они его послушали и говорят: кто из родных есть? Мы говорим: ну мы вот...

– Он до утра вряд ли доживёт.

Сердце ёкнуло. А 20 февраля я вышла, делаю для него соки на соковыжималке и слышу (в келье надо мной не было никого) мужской хор: «Объятия Отча отверсти ми потщися»... Ну, это, думаю, к концу, конечно. И он за три дня до кончины, – снам-то не верил, – говорит: «Нинушка, какой интересный сон я видел сегодня...»

– Какой?

– Как будто мы стоим в нашем храме, – владыка Гурий, владыка Ермоген и я, – у престола. Идёт Пасхальная служба. И я служил-служил – вдруг очнулся, – ах, что же я стою один-то?! Владыка Гурий и владыка Ермоген со множеством народа идут в крестный ход уже, ушли из храма, – надо догонять!..

Нина Малородова приезжала из Ташкента, дней за десять до его смерти. Она помогала ухаживать, в аптеку бегала... Рубашки после приступов стирала, вешала в изголовье, чтобы к следующему приступу переодеть, а то он весь мокрый был после приступов-то... Она говорила мне: вот, Нина, тебе сейчас тяжело, – а будешь вспоминать эти годы, проведённые с ними, как лучшие годы жизни...

Когда мы его похоронили, приходим в храм. И многие сказали – какая пустота! Долго привыкали.

А потом я делала памятник, крест и плиту. Половину суммы собрала, а потом ещё добавили из церковного совета, из храма. Ухаживала за ним несколько лет, думала: вот это вот будет моё место, напротив батюшки... А не получилось... Я буду *там* с ним.

На плите написано: «Объятия Отча отверсти ми потщися». А ещё я попросила: «Сделайте мраморную плиту матушке Юнии, матушке Евдокии» (они в одной могиле похоронены). Там написано: «Радуйтесь и веселитеся, яко мзда ваша многа на Небесех»... КФ

Жить вместе с Богом и человеком в современном мире

Из слова ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова на просветительской Открытой встрече

Фото: Евгений Гурко

Я очень рад, что сегодня у нас есть возможность такой просветительской встречи. Свято-Филаретовский православно-христианский институт в Москве уже много лет ведёт такого рода встречи, и мы всегда стараемся собрать на них людей, просто интересующихся современной жизнью – и жизнью достойной, обладающей какими-то качествами. В наше время это, может быть, одна из самых больших проблем – качество жизни. Как жить современному человеку, чтобы оставаться современным и в то же время не потерять то, что было наработано прежде, или то, что открывается сегодня и имеет перспективу на будущее?

Сегодняшнее наше собрание очень свободно не только в том смысле, что вы пришли сюда свободно. Любой человек может в любое время, если почувствует, что он получил то, что хотел, покинуть нашу встречу без стеснения; никто не будет этим обижен.

Мы с вами действительно хотим этот вечер провести не впустую, хотим поговорить всерьёз, не утаивая никаких жизненно важных вещей. К сожалению, часто у современных людей внутренне работает какая-то самоцензура, и люди очень жёстко распределяют всех окружающих – вот с этим можно об этом говорить, с тем о том, а вот с этим ни об этом, ни о том говорить нельзя. Но сегодня у нас будет действительно свободная встреча, и мы – те, кто перед вами – готовы что-то вам рассказать и ответить на вопросы. Я надеюсь, что это будет иметь свой плод.

Тема у нас сегодня и очень ёмкая и, казалось бы, очень простая, а в то же время не очень простая. Я думаю, каждый из вас это понял. Трудно людям жить вместе, а современным людям особенно – тем более с Богом и с человеком. В каждом слове вроде бы полная ясность, и в каждом слове – проблема. И с современностью, и с человеком, и с Богом, и с «жить вместе». Надо ли вообще жить вместе? Может быть, человеку хорошо быть одному?

Но ведь с древних времён считалось что «нехорошо человеку быть одному». «Нехорошо...» Это не очень добрый знак, когда человек всё время один и не имеет общения и желания такого общения. С другой стороны, нам иногда не хватает какой-то внутренней собранности, целостности, и человеку надо почувствовать себя человеком и тогда, когда он не окружён никаким обществом. Когда он не должен вот с этими людьми делать то-то, а вот с этими то-то, а вот с этими говорить о том-то, а с другими ещё о чём-то. У нас слишком много долженствований, и человек от этого сильно устаёт. Более того – он сам иногда ввергает себя в такую жизнь. Этому способствуют современные средства коммуникации, всякие девайсы, компьютеры и прочее, и прочее. Нам всё время продолжают говорить: «Ты должен, должен, должен». Да, иногда человек действительно что-то должен делать – кто же спорит. Но этих долженствований не должно быть чересчур много, и уж тем более они не должны противоречить самому человеку, идти вразрез с жизнью других людей и быть против Бога. Вот об этих вещах и хотелось бы сегодня нам с вами подумать. Если уж жить достойно и качественно (а мы будем предполагать, что жить качественно и значит жить достойно, а жить достойно и значит жить качественно), то что для этого надо? Конечно, это требование универсальное, оно долж-

но касаться всех сторон жизни человека – это понятно. Не может быть так: «здесь я живу достойно, а через пять минут недостойно». Так человек не умеет и быстро «сходит на нет». Его просто жизнь раздавливает. Вряд ли это кому-то пожелаешь.

Мне бы хотелось поговорить об этих жизненно важных экзистенциальных вопросах и с общечеловеческих, и с христианских позиций. Как вы думаете, есть здесь противоречия или нет? Есть ли здесь какое-то напряжение? Было бы интересно узнать, как вы себя чувствуете в этом духовном поле, есть ли у вас такой опыт, есть ли у вас вопросы и проблемы, которыми вы захотите поделиться – может быть, сами что-то сказать другим, а может быть, задать свои вопросы.

А какие проблемы, собственно, с тем, чтобы жить вместе?

Я много раз наблюдал с печалью, насколько люди за последние сто лет в нашей стране разучились жить вместе. Причём везде, «по всем фронтам»: в семье, с родными, близкими, даже с друзьями. Уж я не говорю про общество, свой народ, нацию, культуру. Да какое бы мы ни взяли измерение, везде люди живут вместе с большим трудом. Более того, они часто хотят жить вместе, но не умеют. Именно не умеют! Они не очень хорошо понимают, что именно может обидеть другого человека, и, не желая того, иногда обижают друг друга. Или обижаются без достаточных оснований и не умеют попросить прощения или простить. Ведь есть вещи, из которых не надо «делать выводы»; ну, сделал кто-то какую-то неловкость или сказал глупость, может быть, даже согрешил против вас, сделал какое-то нехорошее дело – не так чтобы уж совсем подвести вас под монастырь, а просто так получилось. Все мы делаем в жизни много ошибок, и это нам всем должно быть очень понятно и знакомо. Так вот, люди не умеют в таких ситуациях примириться, не умеют измениться, поправиться, исправить свои ошибки (на церковном языке это называется «покаяться»). Просто не умеют. Иногда им надо просто подсказывать. Мне как священнику это приходится делать нередко – не для того, чтобы менторски учить кого-то, но просто надо же друг другу помогать в конце-то концов!

А жить вместе оказывается очень важно. Одно дело вещи житейские – постоянная, ежедневная рутина. Здесь тоже возникает много вопросов и проблем, но они всё-таки как-то разрешаются, пусть не всегда достаточно хорошо. Хуже, когда это касается вещей не очень рутинных, не очень житейских. И тут ещё важнее умение жить вместе. Надо уметь понять, что в другом человеке наносное, случайное или идеологически обусловленное, но всё-таки внешнее, а что глубинное, сердечное. Вот в этих вещах надо научиться разбираться.

Жить вместе – это значит жить с другими людьми. Иногда с давно знакомыми, а иногда с почти что случайными. Когда вдруг возникают какие-то отношения – деловые или какие-то иные, более или менее личные – важен какой-то аванс доверия, открытость друг ко другу. Сразу скажу даже так: нужна любовь или хотя бы авансы любви. С этим труднее всего, но всё-таки внутри нас всегда сидит желание, чтобы по отношению к нам проявили любовь. Наверное, у всех вас бывает и «встречное» движение: когда вам хочется поступить по любви, а не просто по строгости закона или, хуже того, беззаконно.

Хочется, чтобы люди давали друг другу эти авансы доверия, открытости, любви. Тогда стремление жить вместе может иметь шанс.

Не получается жить вместе, когда ты в постоянном напряжении и не можешь доверять другим. Или когда ты постоянно в обиде: сам обижаешься или обижаешь кого-то – вольно или невольно, словом или делом. И тогда надо что-то делать. Но всё-таки мы сейчас живём не в советское время, и поэтому какие-то вещи изменились. Это значит, что уже необязательна некая внутренняя самоцензура, страхи по отношению ко всему. «Не вылезай», «не будь белой вороной» – эти мещанские, но тем не менее обусловленные опытом людей предупреждения сейчас, как мне представляется, меньше воздействуют на нас. Впрочем, мне было бы интересно, согласитесь вы с этим или нет.

Сейчас появилось, особенно среди молодёжи, много людей, которые готовы помочь незнакомым людям. Добра в людях стало больше, меньше злобы, меньше осуждения и желания любыми средствами «отбить лишь свою правду». Это не значит, что тех проблем, о которых я говорил, стало меньше. Но появились люди с человеческим лицом, и их становится больше. И то, что среди таких людей много молодёжи, меня очень радует. Это значит, что те люди, которые родились после советской власти и её «на вкус» не пробовали, как-то начинают себя проявлять, и это происходит во всех сферах, прежде всего среди тех людей, которых мы встречаем на улице

Открытую просветительскую встречу ведёт ректор СФИ священник Георгий Кочетков. 23 декабря 2018 г.

или где-то ещё. Мне кажется, что потенциал добра стал увеличиваться. Людей меньше разделяют какие-то внешние параметры.

К сожалению, людей не всегда готовят к тому, чтобы жить вместе. В системе воспитания не хватает каких-то важных вещей. Да, конечно, фрагментарно, частично везде об этом как-то говорится, но я даже не знаю, есть ли где-то в нашей стране целостная система, которая бы успешно решала эти вопросы. И не случайно я сегодня говорил, что жить вместе с другим человеком, не таким, как ты, а может быть, наоборот, очень похожим на тебя, люди сегодня не умеют. Об этом тоже можно было бы сегодня вместе поговорить.

Я ещё не говорил о том, как жить вместе с Богом. Здесь ведь тоже много проблем. Я даже не имею в виду ярко выраженных атеистов, которые готовы бороться с Богом и с теми, кто за Бога; их осталось немного. А очень много скорее людей во всём сомневающихся. Они знают одно, другое, третье, что-то читали, слышали, что-то пробовали, кто-то пытается иногда с друзьями, знакомыми или сам по себе заходить в храм – православный или какой-то иной. Человека привлекает эта сфера, он хочет лучше узнать то, о чём он не очень хорошо знает, в чём не очень хорошо разбирается. Сейчас люди, вступая во взрослую жизнь, уже что-то знают. Они что-то выбрали, пусть и не до конца. Труднее всего увидеть, понять, почувствовать, проверить своей жизнью, что Бог на самом деле один для всех людей, а не у каждого свой Бог.

Но как же Бог проявляет себя в жизни каждого человека? Наверное, очень нешаблонно. У каждого свой духовный опыт, удачный и неудачный. Есть люди, которые родились и воспитывались в семьях, где люди стараются жить с Богом – христианских, мусульманских, иудейских; есть те, у кого этого опыта совсем нет. Но как бы то ни было, думаю, в нашей стране очень много людей, которые до конца свой выбор не сделали, до конца своего пути вместе с Богом не знают, не понимают своего призвания. Ведь призвание может быть только от Бога. А от кого же ещё? От природы? От папы с мамой? От общества? Нет. Это всё ненадёжно.

Я знаю точно, что людей это очень сильно волнует. Когда говорят, что сейчас люди скептики, рационалисты, потребители, и им кроме жирного куска больше ничего не надо – это неправда. Иногда люди так действительно живут, но это совершенно не значит, что они довольны такой жизнью и хотят только такой жизни.

К сожалению, у нас в обществе очень мало площадок, где можно о таких вещах говорить свободно – не боясь, что тебе «дадут по голове», или освищут, или где-то в интернете что-то пропишут. Люди не чувствуют себя свободными. Это очень жаль, потому что для христиан всегда очень важно, что Бог есть Свобода, Бог есть Любовь. Всё остальное – потом. Когда на первое место выходит что-то другое, даже хорошее, например, Закон, когда средства становятся целью, это уже не дело. Всё должно быть на своих местах. Мы должны чётко знать, что человек может жить с Богом только в духе любви и свободы. Иначе это не будет «вместе».

Да, можно подчиняться Богу! В более мягком варианте – послушаться, слушаться. И некоторые мужественные люди – христиане и не христиане – готовы это делать. Но всё-таки это ещё не совсем христианство. Это то, что существует не только в христиан-

стве, что было и до христианства. Да, для человека естественно прислушиваться к более опытным, более знающим, одарённым, достойным людям, которых признаёшь для себя за старших. Естественно это делать и в духовной жизни – но не теряя своего лица, своей свободы и любви.

Мы не можем никогда, в отношениях ни с Богом, ни с человеком, требовать любви и свободы только для себя. Так любовь и свобода не живут, так они гибнут. Но *от себя* мы можем требовать. И вполне можем ожидать, что это получит одобрение у Бога и у людей. Конечно, надо знать, о какой свободе, о какой любви, о какой вере, о каком доверии идёт речь. И это тоже непростые вопросы. У нас здесь всё сдвинулось, всё не на своих местах.

Часто люди говорят, скажем, о сильной вере, а подразумевают какой-то фанатизм. Или подозревают, что сильная вера – это всегда фанатизм, что-то жёсткое, жестокое, эгоистичное. Но сильная вера – совсем другое. А что такое фанатизм, я думаю, всем понятно. Это вера, но без любви, а значит, в любом случае вера не христианская.

Некоторые путают настоящую веру со слепой верой. А это тоже разные вещи. Человеку свойственно верить, т. е. быть открытым к чему-то большему в своей жизни. Но слепая вера как раз не даёт такой возможности. Если ты веришь просто потому, что тебе кто-то об этом сказал или кто-то от тебя этого требует, но изнутри тебя нет никакого отклика, отзвука, то с христианских позиций назвать это верой нельзя.

Кто-то сказал, что христианство есть вера в Бога и в человека. И это так: одно без другого не существует для христианина. Человек, который верит в Бога, но не доверяет никому – такой человек не верит и в Бога.

Бывает ещё маловерие, когда человек всё время оглядывается назад. Вроде бы доверяет, вроде бы принимает, но живёт не исходя из своей веры, а исходя из обстоятельств, которые всегда кажутся ему сильнее.

Мне очень хочется, чтобы вы к этому прислушались и никогда не путали веру в Бога и человека с фанатизмом, или со слепой верой, или с маловерием. Без веры человек жить не может, как без любви и без свободы. Отнимите их совсем, до конца у человека, и он сразу умрёт – умрёт и духовно, и физически. Не бывает людей совсем неверующих, если говорить о живых. Это не значит, что у всех вера истинная и совершенная, но она есть у всех. Так устроен человек. Он не просто высокоорганизованное стадное животное – я думаю, никому из здесь присутствующих долго доказывать это не надо.

Как вы понимаете, с качества веры у нас начался разговор о качестве жизни вместе с Богом и человеком.

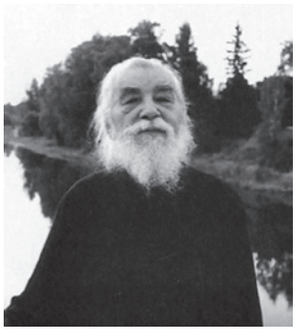
Можно было бы долго говорить и о качестве любви, и о качестве свободы. Ведь жить вместе – это и значит качественно жить в настоящей вере, любви и свободе, в познании истины. Я сейчас специально говорю «словами-маркерами», которые лишь указывают направления, как вектор. Ещё не очень понятно, насколько они воспринимаются как содержательные вещи. Ведь просто произнести эти слова ещё мало что значит. Да, это хорошо, но это могут сказать самые разные люди. Здесь очень много подмен. Так, можно истинного Бога подменить ложным, которого часто называют идолом. А таких идолов у современных людей очень много, значительно больше, чем в античные времена, когда было многобожие. Современные люди заразились идолопоклонством. Они хотят верить в Бога, но у них скрыто существуют идолы, и не только простейшие из них – кошелёк, дача, машины, слава, известность, влияние, возможность удовлетворять все свои желания, жить в своё удовольствие. И важно Живого Бога не подменять никакими мёртвыми идолами. Так же как важно в человеке видеть человека – но реально и трезвенно, таким, каков он есть во всей своей противоречивости, во всей своей реальности и каким он мог бы быть в очах Божиих. Чего Бог хочет для этого человека или для этих людей? Что Он им даёт как самое главное, а что должно быть на втором месте? А что на двадцать пятом? Вот такого рода вопросы, мне кажется, могут быть интересными для обсуждения. Для того, чтобы просто посидеть, подумать о себе или о своих родных и друзьях, о тех людях, по отношению к которым мы чувствуем, что неравнодушны, которые, может быть, и к нам неравнодушны, в хорошем или в плохом смысле.

Итак, я попытался вам совершенно спонтанно рассказать, что имелось в виду сегодня обсудить на нашей встрече. Давайте же подумаем и поговорим. Это будет очень свободный разговор. Это не значит, что он не будет иметь никаких рамок. Если кто-то захочет говорить только о себе ещё 45 минут, или будет говорить о чём-то, что совсем не имеет отношения к нашей теме, или будет выражать не очень достойно такие эмоции как злоба, ненависть к кому-то, то это будет плохо, и здесь рамки будут нужны. Такие вещи мы, наверное, будем стараться пресекать. Но для всех, кто хочет действительно поговорить, кто хочет воспользоваться сегодняшней возможностью и пообщаться на эти темы, это будет действительно открытый разговор в духе любви и свободы. КФ

Братский помянник

3 февраля в Токио отошёл ко Господу равноапостольный Николай Японский (1836–1912).
В возрасте 24 лет Иван Касаткин, будучи студентом Санкт-Петербургской духовной академии, во время всенощной вдруг решил принять монашество и ехать в Японию. Приглашение занять место настоятеля Воскресенской церкви при недавно открытом русском консульстве в Хакодатэ он накануне увидел среди объявлений академии. Подающего большие надежды студента не без труда отпустили на служение до окончания им полного курса обучения.
Приняв монашество и рукоположение, молодой иеромонах Николай отправился в Николаевск-на-Амуре, где встретился со святителем Иннокентием (Вениаминовым), просветителем Сибири и Аляски. Тот благословил его и посоветовал вплотную заняться изучением японского языка. Отец Николай последовал совету и изучил не только язык, но и историю, культуру и религии этой страны – буддизм, синтоизм и конфуцианство, являя через восемь лет замечательную даже по японским меркам эрудицию. В 1868 году в условиях строгого запрета на христианскую миссию в Японии в результате его проповеди были крещены первые японцы. Через 7 лет при православной миссии в Токио действовали четыре училища – катехизаторское, семинарское, женское и причётническое, а в Хакодатэ два – для мальчиков и девочек. К 1878 году в Японии насчитывалось уже 4115 христиан, существовали многочисленные христианские общины.
С первых дней своего прибытия в Японию и до самой кончины еп. Николай ставил переводческую деятельность во главу угла. Каждый день он проводил по четыре часа за работой над переводами Писания и богослужебных текстов на японский язык вместе со своим помощником Павлом Накаем.
Во время Русско-Японской войны 1904–1905 гг. епископ Николай, единственный из русских подданных, остался со своей паствой в Японии и организовал заботу о русских военнопленных, чьё общее число достигало 73 тысяч. В Японии он стал известен всей стране и был почитаем многими как святой. После кончины владыки с ним прощалось на похоронах огромное количество народа. Даже японский император прислал венок на похороны святителя; такая честь иностранному миссионеру была оказана впервые. Видимыми плодами миссии святителя стали кафедральный собор в Токио, 183 православных храма, 276 приходов. В 1912 году в Японии служили 1 епископ, 34 иерея, 8 диаконов, 115 проповедников, а всего в Японии было 34110 человек православных верующих. Так была заложена прочная основа Японской Православной Церкви.

5 февраля в Псково-Печерском монастыре отошёл ко Господу



архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006).
Уже в 12 лет юный Иван, к тому времени несколько лет прислуживавший в алтаре, твёрдо решил принять монашество. Однако осуществилось это желание не сразу. Только в 1945 году Иван Крестьянкин стал священником; рукополагал его патриарх Алексий I. Отец Иоанн учился в духовной академии и при всяком возможном случае проповедовал в храме. В 1950 году за активную религиозную деятельность он был приговорен к 7 годам советского лагеря. Лишь в 1966 году, сменив не одну епархию, отец Иоанн стал монахом и почти 40 лет жил в Псково-Печерском монастыре. Вскоре к нему стали съезжаться со всей страны посетители, желавшие получить от архимандрита духовный совет. Многие почитали его за старца, однако сам отец Иоанн относился к себе более чем критично. Он внимательно относился к молодым людям, желавшим послужить Богу и церкви и стал одним из учителей духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова, помогая ему в подготовке к рукоположению.

9 февраля отошёл ко Господу протоиерей Сергий Гаккель (1931–2005), биограф матери Марии (Скобцовой).

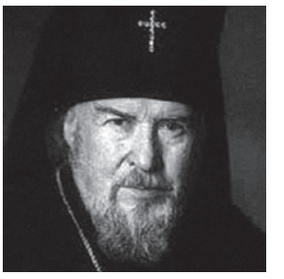
Будущий отец Сергий родился в Берлине в семье русских эмигрантов-лютеран, в православие перешёл в сознательном возрасте. После рукоположения служил в Сурожской епархии, был настоятелем прихода в г. Льюисе, долгие годы входил в епархиальный совет. Был редактором журнала «Соборность» и религиозной программы русской службы Би-Би-Си. Переводил на английский язык стихи Блока и «Реквием» Ахматовой и, конечно, произведения матери Марии (Скобцовой). Больше всего отец Сергий известен именно благодаря своей книге «Мать Мария», переведённой на несколько европейских языков.

10 февраля был расстрелян иеромонах Владимир (Пищулин) (1889–1938).
Он принял священство в 1920 году, служил в церкви святых Захарии и Елисаветы в Петрограде вместе с прот. Александром Введенским, впоследствии одним из основоположников обновленчества.
Входил в братство св. Софии,

основанное петроградскими профессорами Богословского института. Организовывал материальную помощь заключённым и сосланным священнослужителям.
Первый раз был арестован в 1922 г. по делу митр. Вениамина (Казанского), но отпущен на свободу по просьбе Введенского. Сразу после ареста уклонился в обновленчество, был одним из его активных распространителей и апологетов. 8 сентября того же года был арестован по доносу об участии «в нелегальной группе, члены которой для разрешения вопросов антисоветского характера собираются на конспиративных квартирах». 15 сентября приговорён к трём годам ссылки в Оренбург как «крайне неблагонадёжный в политическом отношении». В ссылке продолжал обновленческую деятельность.
Воссоединился с православной церковью в 1926 году, имея обновленческий сан епископа. После покаяния в грехе раскола архиеп. Алексием (Симанским) был присоединён к Православной Церкви в сане иеромонаха. Вёл борьбу с обновленцами, полемизировал с А. Введенским. Выступал с докладами на богословские и философские темы в Доме учёных. Состоял в братстве прп. Серафима Саровского, организованном И.М. Андреевым. 7 апреля 1928 г. вместе с другими членами братства был арестован, приговорён к ссылке в Казахстан на 3 года. Затем жил в Симферополе. Годы ссылки сильно подорвали его здоровье, работать он не мог, жил на иждивении у дяди. Приёмный сын дяди впоследствии рассказывал в НКВД о своих разговорах с о. Владимиром: «Он... часто говорил, что в СССР творится антихристово дело, что рост материальной культуры, техники, образования и тому подобного идёт у нас параллельно “с оскудением человеческой личности, порабощением духа, запрещением мыслить, падением и гибелью элементарной нравственности, принижением человеческого достоинства и порабощением всех порывов и высоких стремлений к справедливости”». По этому доносу о. Владимир был арестован в 1937 г. Виновным в контрреволюционной деятельности себя не признал, но в то же время на допросах говорил: «по некоторым вопросам политики советской власти я стою на резко отрицательных позициях, т. е. я являюсь противником антихристианской политики советской власти, а равно и материализма, как отрицающего идею религии... смешно и глупо говорить о демократии и свободе, когда самая основа всякой общественной и индивидуальной жизни скована цепями».
Был расстрелян 10 февраля 1938 года в Симферополе.

21 февраля отошёл ко Господу архимандрит Серафим (Суторихин) (1901–1979).
Один из руководителей Александро-Невского братства младшего поколения, рукоположенный в 1931 году, он руководил кружком молодёжи в Тихвинском храме пос. Лесное, где был настоятелем до ареста в 1932 году. Был приговорён к лагерям на 5, а затем ещё на 10 лет. В 1943 году освобождён досрочно после увечья, полученного на лесоповале. С 1946 года служил в Самарканде по приглашению архим. Гурия (Егорова). Собрал небольшую общину. (Подробнее об этом можно прочитать на сс. 10–15 этого номера.)

21 февраля отошёл ко Господу академик Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004). Филолог, библеист, автор лучшего современного перевода Евангелия и других библейских текстов, он был свидетелем веры в академической советской среде, а в церкви – одним из главных защитников и деятельных участников служения Преображенского братства. Во вступительном слове к сборнику проповедей С.С. Аверинцева священник Георгий Кочетков говорит: «Для нас, в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и Содружестве малых братств, и для меня лично – дело совести, памяти и жизни воздавать должное Сергею Сергеевичу и в юбилейное, и во всякое другое время. Конечно, не просто потому, что С.С. Аверинцев был верным членом и защитником нашего Содружества, то есть нашим родным братом. Не просто потому, что он был членом попечительского совета СФИ и активнейшим его сотрудником, пусть и внештатным. Не просто потому, что он был прихожанином наших храмов и даже очень живым чтецом и проповедником в них... Наконец, не просто потому, что лично меня связывала с ним особая многолетняя духовная (можно сказать, и духовническая) близость и дружба и что он незадолго до своей безвременной кончины лично просил меня что-то написать о нём к его 70-летию (чем тогда несказанно меня удивил, ведь он очень не любил каких-либо разговоров о себе). Всё это так, но главное – это чудо самой личности С.С. Аверинцева, его духа, его мысли, его живого и жизненного дела, всегда требующего продолжения».



28 февраля отошёл ко Господу архиепископ Михаил (Мудьюгин) (1912–2000).
Его мать была активным членом Александро-Невского братства в Петрограде. Мальчиком его посвятил в чтецы будущий новомученик митрополит Вениамин (Казанский). В 1930 году будущий владыка Михаил 9 месяцев отсидел в тюрьме за ведение церковного кружка для детей и молодёжи. Он выбрал светскую карьеру, защитил кандидатскую диссертацию в Центральном котлотурбинном институте, некоторые прочили ему будущее академика. Рукоположен он был неожиданно для многих в сорок шесть лет, а ещё через шесть лет после долгих уговоров митрополит Никодим (Ротов) убедил его принять епископский сан. Последним аргументом стали слова о том, что это нужно Духовной академии: образованный, учёный человек аристократического происхождения в сане епископа мог стать хорошим ректором. Его ректорство продлилось неполных два года. Молитвенника и яркого проповедника, учёного со знанием шести языков отправили на окраины: сначала в Астрахань, а затем – на двенадцать лет в Вологодскую епархию, где он ввёл повсеместное чтение Священного писания на русском языке в храмах на богослужении.
До самой кончины, почти ослепший, живя на покое в Петербурге, владыка вёл просветительские беседы – даже для нескольких человек, собиравшихся в школе рядом с его домом.

Судьба домов-храмов

От священномучеников, самых близких к нам по времени святым, остались не только живые воспоминания тех, кто их знал при жизни, но и «вещественные» свидетели – прежде всего дома, где они жили. И судьба этих домов складывается очень по-разному.

Год назад широко обсуждалась судьба дома Малышевых (не просто дома, а фактически храма, где совершались тайные богослужения – о том, как это было, рассказывается ниже в интервью дочери исповедников веры, Ольги Борисовны Малышевой). Несмотря на многочисленные публикации в защиту этого памятника нашей истории, он был разобран. В Вышнем Волочке на улице Урицкого (председателя петроградского ЧК!) больше не осталось материального свидетельства молитвенного сопротивления давлению безбожной власти. И это, увы, не единственный пример. Более того, неуважение к памяти новомучеников проявляют не только светские власти.

Пять лет назад в селе Заостровье под Архангельском был снесён дом священномученика о. Феодора Тамицкого (расстрелян в 1933 г.), усилиями членов православного братства переданный приходу. В начале 2013 года братство было изгнано новым настоятелем из храма, а через несколько месяцев в одночасье был снесён приходской дом. «За 12 лет пользования этим домом мы ни разу не решились сделать в нём реконструкцию, помня, что стены этого дома хранят тепло рук отца Феодора, – с горечью писали в своём блоге ошарашенные случившимся братчики. – Даже сейчас, когда дом разрушен, видно, что в нём не было ни одного гнилого бревна…»

Бывает и так, что члены семьи не понимают и не ценят доставшееся им наследство. Именно это случилось с домом сщмч. Всеволода Потеминского из Коми (расстрелян в 1937 году). Кто-то из многочисленных наследников погибшего священника исследовал архивы, чтобы узнать, что же произошло, когда он ушёл в 1937 году на требу и не вернулся (матушка до самой своей смерти ждала возвращения мужа), а кто-то снёс его дом и построил на этом месте дачи…

К счастью, есть и другие примеры.

Дом сщмч. Феодора Тамицкого был разрушен после того, как из храма изгнали хранивших его членов местного братства

Одна из последних фотографий дома сщмч. Всеволода Потеминского в селе Семуково

В доме сщмч. епископа Серафима (Звездинского) была устроена домовая церковь. В 2014 году она была восстановлена в доме-музее по сохранившемуся рисунку духовных чад владыки и освящена митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием

В доме священника мечёвского круга Михаила Шика проходили тайные богослужения. Потомки о. Михаила трудятся над созданием в доме музея, посвященного памяти новомучеников

Многие знают дом-музей священномученика Серафима (Звездинского) (расстрелян в 1937 году) в Дмитрове. При владыке в доме была устроена домовая церковь, которая в 2014 году была восстановлена и освящена во имя священномученика Серафима. Часть экспозиции музея посвящена гонениям на Церковь и подвигу мученичества и стояния за веру.

В Малоярославце сохранился дом священника мечёвского круга Михаила Шика (расстрелян в 1937 году), в котором он тайно служил более 5 лет, вплоть до ареста в феврале 1937 года. Сюда приходили близкие люди из Малоярославца, приезжали духовные чада, члены мечёвских общин из Москвы, на богослужение собиралась семья о. Михаила. Несколько лет назад внуки о. Михаила поняли, что надо восстановить эту святыню, чтобы здесь опять звучала молитва и собирались верующие. Начало работ по воссозданию дома молитвенно благословил о. Андрей Лобашинский, настоятель близлежащего храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Карижа. Он же в течение нескольких последних лет служит в доме литию на Крестовоздвижение, в день расстрела о. Михаила. Дом-музей будет хранить память и о других подвижниках, вынужденно оказавшихся здесь, в Малоярославце, за «101-м километром».

Есть и дома, которые находятся под угрозой сноса, но их удаётся отстоять. И это забота нашей общей молитвы и памяти, нашего неравнодушия. Ведь сохранять и восстанавливать такие святые места важно не только для потомков исповедников веры, но и для всех современников – чтобы мы узнавали нашу историю через святую жизнь тех, кто до смерти крестной шёл за Христом.

Интервью с Ольгой Борисовной Малышевой, дочерью исповедников веры

Беседовали Ольга Борисова, Иоанна-Яна Яськова, Татьяна Головина. Фото с сайта psmb.ru

Расскажите, пожалуйста, про жизнь Вашей семьи. Как проходили тайные богослужения? Это какая-то фантастическая история, если дом был ещё и коммунальный.

Нет, дом у нас в то время был частный. Дедушка его строил. Во время НЭПа, в 1926 году купил низину у старушки и начал строительство на ул. Урицкого, 67. Вот этот дом и разобрали в прошлом году.

Наверху, на вышке был мезонин, там жил мой папа. Когда в Вышнем Волочке стали закрывать церкви, последним закрыли Богоявленский собор. Мама моя вступила в двадцатку, хлопотала, они со старостой и регентом храма ездили с письмом к Сталину в Москву. Им пообещали разобраться, но ничего не сделали. Старостой в то время был

Мария Николаевна и Борис Алексеевич Малышевы. 1939 г.

Михайло Романович Данилов. А регентом в соборе до закрытия был Семён Фёдорович Платонов, он был сыном художника, который расписывал Иоанновский собор. Он был выслан сюда с женой и дочкой Верочкой. Вышний Волочёк был городом высланных, москвичей среди них было мало, одни питерские.

Семён Фёдорович Платонов маме предложил служить у нас, говорил, что это его кафедральный собор. Хотя были и другие места, службы были и у матушки Епистимии.

Мы входили через калитку и через чёрный вход поднимались на вышку, а там уже пели.

Рассказывают, что у вас были маленькие хоругви и вы с крестами ходили?

Да, ходили. Когда мы наверх поднимались, там были дверки у окошечек, так вот из этих дверок взяли палочки. А мама сделала салфеточки квадратные, простроченные. На эту квадратненькую салфеточку иконочку шелковую пришивали, и салфеточки папа к палочкам прикрепил. Мы молились, а потом спускались по лестнице вниз, обходили прихожую, кухню и потом шли обратно наверх.

Получается, вы ходили крестным ходом и молились, а вокруг советская власть?

Да-да, всё было тайной. Хотя был один случай, когда я о вере сказала. Учительница у меня хорошая была, деликатная, Марья Васильевна Макарова. Царство ей Небесное! И был такой день, когда учительница спросила, кто будет вступать в октябрята, все подняли руки, а я не подняла и ещё один мальчик, татарин, не поднял, он где-то там в сторонке сидел. Марья Васильевна спрашивает: «Малышева, почему ты не хочешь быть октябрёнком?» А я так сразу ей в лоб: «Я крестик ношу и Боженьке молюсь». Весь класс «Ооо!», а она вся в краску, бедненькая. Я её в испуг ввела. А что татарин там говорил, я уже и не помню.

Скажите, а дома только утреню и вечерню служили? Или литургию тоже?

Служили мы только утром, причащались, а вечером ничего не служилось.

Кто-то ещё приходил на эти богослужения?

Немногие приходили, все боялись. Петь приходила матушка Епистимия, потом Дашенька Коновская приходила, она ещё барышню Леночку приводила с собой.

А во время войны вы продолжали служить?

Нет, нет, нет. В войну папу через месяц взяли в монастырь, в Красный городок. Ему 44 года было, он сердечник. Маму на окопы взяли, траншеи копать возили. Лето жаркое было, она измученная приезжала. У нас запасов продуктовых никаких не было, помню, чечевица была, кукурузная мука, и мама, когда дома была, пекла булочки. Они там в жару пили сырую воду, и она дизентерией заболела. Её больную привезли домой. У многих тогда от бомбёжек стекла выбило, и соседка Марья Николаевна Изотова и бывшая папина гувернантка тётя Варя Карнаухова, Александра Фёдоровна Платонова пришли к нам и все у нас жили, прямо Ноев Ковчег получился. Ещё мама на террасу пускала жильцов, одна беженка, Наумова, есть готовила на нашей кухне. Соседи и рассказали ей, что тут молятся, а она пошла и выдала.

И вот маму привезли 26-го октября из больницы, только два дня она дома и тут же пришли, арестовали её. Я так кричала, так плакала! Они тут всё обыскали, обобрали. Вижу, в руке у одного из них какой-то моток грубого шпагата, из льна скручённого. Это они книги увозили – 5 или 7 стопок увезли. Журнал «Нива» – годовые подшивки были у дедушки, «Природа и люди», «Вокруг света»... И папу тоже арестовали.

Мне тогда было 13 лет.

Марья Николаевна стала нашей опекуншей.

Папа потом вернулся?

Да. Это целая история, как

Вот уже почти год, как по адресу г. Вышний Волочёк, ул. Урицкого, д. 67 этого дома-храма больше нет....

папа и мама попали вместе в одно место, дальше всех, на север. Кировская область, Кальский район, почтовое отделение Волосница, почтовый ящик 231/2 – вот каким был их адрес. Мама там слегла, и папа тоже изголодал моментально. У него на ноге образовалась трофическая язва, она потом зажила, только чёрный рубец остался, как от осколка. Он ходил и всё разузнавал про маму. Его спрашивали: «Говорят, вы муж и жена?» – «Нет, нет, мы из одного города и однофамильцы». А сам в то же время ходил, навещал. Переписываться с родными им разрешили только через полгода, и они договорились, мама написала своей сестре в Ярославль открыточку. Эту открыточку тётя Валя хранила, потом нам отдала: «Где мои дети, что с ними? Валя, напиши ответ». Ответа она не дождалась... А папа нам присылал треугольнички (тогда треугольнички были со штампом «проверено военной цензурой»), и потом мы уже переписывались, разрешено было посылать два письма в месяц. Мы так рады были, что от папы уже второе письмо получили. Я прыгаю, скачу, а читаем – там написано: «Наша дорогая, незабвенная мамочка скончалась», и у меня так ноги и подсеклись, и я плакать начала. Потом он пишет: «Я очень слабо себя чувствую, меня актируют». Над ним там смеялись, говорили: «Ты что, старик, покрестил кого, что ли? Чего тебя посадили?» В 44 года в Красном городке он был крепкий, а в 46 лет уже старик, у него нога отнималась, и когда его отпустили из заключения, он не мог в поезд забраться.

Мы молились с Марьей Николаевной Изотовой, акафисты читали две недели святителю Николаю, и мы молились с братиком, чтобы папу освободили из заключения. Пошли в церковь, уже церковь открыта была. В церкви был сторож – Павел Иванович Баскаков, он спросил, о чём мы молимся. Мы говорим, что папа просит похлопотать нас, иначе мы не свидимся, что его всё не отпускают, актируют и оставляют опять. Они все вышневолоцкие, все в реальном училище учились, все друг друга знали. И был среди них хороший адвокат, Докучаев. Я ходила, помню, холодно, осенью, нашла его, и он меня выслушал, написал текст, и говорит: «Перепиши своей рукой и пошли прокурору Кировской области». И нам прислали ответ, что меры будут приняты. Папу выпустили, и папа приехал. Тощий был, как скелет, сидеть не мог, надо подушку было подкладывать, у него уже мяса не было, только кожа да кости.

Где-то ещё проходили богослужения на квартирах?

Где-то служил Семён Фёдорович Платонов, но я не знаю точно. Александра Фёдоровна Платонова, матушка Анастасия, в тюрьме погибла. Арестовали её и ещё трех женщин и троих мужчин. У Семёна Фёдоровича самая хорошая судьба. Наших папу с мамой на север загнали, в Кировскую область, а он попал в Котельнич, уже через полгода сообщил, где он находится, и его супруга Софья Харитоновна с дочкой Верочкой сразу уволилась (она медсестрой была) и уехала к нему.

Ольга Борисовна, спасибо Вам большое за рассказ. Кроме как от Вас мы ни от кого об этом не узнали бы. Это важное свидетельство для нас, как Вы веру сохранили в таких тяжелых обстоятельствах.

Да, трудное время было. А сейчас я слушать канал «Спас» без слёз не могу. Чудо, что я дожила до этого времени. Мы же ведь всю сталинщину прожили, такую страшную...

Как же было веру не сохранить? Только она нас и спасала. Мы с братиком с детства укреплены были, потому что с детства в семье была вера, всё делалось с молитвой, и любовь между родителями была, всегда были добрые отношения. КФ

«Скит для других»

Памяти схиигумении Фамари (Марджановой)

Текст: Игумения Иннокентия (Попова), настоятельница Серафимо-Знаменского скита, где сейчас почивают мощи препсп. Фамари (Марджановой).
Фото на стр 29 из архива Игумении Иннокентии (Поповой)

В связи со 100-летием гибели Царской семьи в России хотелось бы вспомнить о том, как родившиеся в разных концах европейского дома преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна (Романова) и основательница Серафимо-Знаменского скита под Москвой схиигумения Фамарь (Тамара Александровна Марджанишвили), оказавшись вдали от родины, стали друг для друга подарком судьбы, а для нас их союз приоткрывает мир Божий в его святой красоте[1].

Серафимо-Знаменский скит стал их общим замыслом. Великая княгиня Елисавета была настоятельницей Марфо-Мариинской общины сестёр милосердия, а игумения Ювеналия (будущая схиигумения Фамарь) с 1907 года – настоятельницей Покровской общины в Москве. Подразумевалось, что те из сестёр милосердия, кто возжелает монашеского пострига, могут перейти в скит[2].

ЖАЖДА ХРИСТА

Путь матушки Фамари в Покровскую общину был долгим, но прямым.

В Кварели конца XIX века предположительно было четыре храма, один из них (недействующий ныне) был построен семьей Марджанишвили. Самый большой и красивый дом Кварели – двухэтажный, с террасами, с большими винными погребами – родовое имение. Первые три дочери у родителей умерли в младенческом возрасте. С годами щемящее чувство утраты в жизни Тамары Александровны повторялось многократно. Отец, Александр Андреевич, был много старше матери. Его отличали широкая образованность, начитанность, несомненный лирический дар, а главное – доброе и благородное сердце. Мать, княгиня Елизавета Соломоновна, была красавицей и человеком ярких талантов. Особо выделялись её музыкальные способности, что передалось и Тамаре Александровне. Все дети унаследовали от родителей любовь к творчеству – литературному, музыкальному, художественному – и даже увлечение театром. Задушевная атмосфера большого гостеприимного дома, талантливость родителей, их творческая увлечённость, граничившая с подвижничеством, в первую очередь воспитывали сердца детей, напечатлевая их любовью и горением к высокому служению. «Где действует любовь – там строгость не нужна»[3]; матушка позже вспоминала, что ей стоило только захотеть, можно было и не просить... Чуткое, с любовью отношение друг к другу было нормой семейной жизни.

Отец Тамары Александровны умер, когда ей было 13 лет, и остался в памяти её сердца. Смерть отца сплотила семью, но всё же жизнь началась другая. Мать отдавала детям всю душу и была ими горячо любима. Но когда Тамаре Александровне исполнилось 19 лет, она осталась круглой сиротой – мать умерла от дифтерита почти одновременно со средней дочерью Софико. Младшая любимая сестра матушки – Мариам – ушла из жизни в 19 лет от туберкулёза. Болезнь медленно уносила её, умиравшую в полном сознании. Старшая сестра Нина умерла позже, в 29 лет, родами. Так постепенно сокрушалось сердце юной Тамары, всё больше раскрываясь навстречу Господу, склоняясь к монашескому единению со Христом ещё до её ухода в монастырь.

Древний монастырь Святой Нины в Бодбе, где с IV века покоятся её святые мощи, в конце XIX века возрождался усилиями группы монахинь из Москвы во главе с игуменией Ювеналией (Ловенецкой) из Страстного монастыря. Она стала для Тамары

[1] Выражаю самую искреннюю благодарность историкам-архивистам (И.И. Ковалёвой, А.В. Семенихину), оказавшим мне помощь при написании этой статьи.

[2] Скит возобновлён в 2000 году. Расположен в 30 км от Москвы в Домодедовском районе близ с. Битягово.

[3] Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. Новосибирск, 1998. С. 14.

Родившиеся в разных концах европейского дома преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна (Романова) и основательница Серафимо-Знаменского скита под Москвой схиигумения Фамарь (Тамара Александровна Марджанишвили), оказавшись вдали от родины, стали друг для друга подарком судьбы, а для нас их союз приоткрывает мир Божий в его святой красоте.

Игумения Ювеналия (в будущем схиигумения Фамарь) (Марджанова)

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна

духовной матерью и заменила ей родную мать[4]. Первой книгой духовного содержания, прочитанной в монастыре, было жизнеописание непрославленного тогда ещё старца Серафима Саровского: «Облик старца произвёл на неё чарующее впечатление, и она возымела к нему необычайную любовь»[5]. Пророческим сном преподобный Серафим за 12 лет предрёк ей игуменство.

Юная послушница Тамара пыталась подражать батюшке Серафиму: тайные походы в горы, копание пещер, попытки молитвенного подвига. Бог знает, какими путями молитва её достигала батюшки Серафима, взывая о сострадании, и постепенно ввела матушку в таинственное молитвенное общение с ним: «Преподобный Серафим правил всей моей жизнью», – говаривала она.

Когда матушка была ещё послушницей и сопровождала в поездках игумению, произошла её первая встреча с отцом Иоанном Кронштадтским. Погладил он её по головке и сказал с любовью: «Тамара-Тамара, благую часть избрала». Отец Иоанн тогда же образно предсказал ей, что она будет игуменьей трёх монастырей и в будущем – схимницей. Подписывая свою фотографическую карточку: «На благословение послушнице», вдруг остановился и, улыбаясь, сказал: «Нет, ты не послушница, а не то монахиня, не то схимница».

Первым «незабвенным» духовником матушки Фамари был ректор Тифлисской духовной семинарии, будущий священномученик Гермоген (Долганов), еп. Тобольский (†1918). Одним из первых он вложил в сердце молодой послушнице понимание того, что именно смирение и есть учение Христово и свойство Его, и действие. И чем более проникает в сердце таинственное учение о смирении, тем многоплоднее и глубже самовоззрение. В этом – двоякость Креста: самопознание есть одновременно и Богопознание.

В музее Серафимо-Знаменского скита есть книги, принадлежавшие матушке Фамари: собрание сочинений святого Игнатия Брянчанинова с дарственной надписью от игумении Ювеналии I (Ловенецкой): «В память моего особенного духовного расположения ко автору этого полного сочинения, дарю тебе, Тамара, и советую поучаться примером – терпения, послушания, смирения, любви христианской ко ближнему. Исполняя хотя часть сказанного здесь, достигнешь вполне тобою желаемого спасения души. Даря эту любимую мою книгу тебе, ещё послушнице, желаю достигнуть монашества, что будет служить мне утешением как любящей тебя сердечно твоей духовной матери»[6].

Этого автора, по свидетельству знавших, матушка любила особо до конца дней своих. Вчитаемся и мы в строки святого Игнатия: «Около меня сформировался круг друзей, искренне меня любящих, но ещё не встречался я с душой, пред которою мог бы я вполне открыться. И это не от того, чтобы я был скрытен; нет, я очень откровенен, но душа, пред которою я мог бы открыться с истинною пользою, должна быть способна понять меня, исследовать меня, – должна постичь самое вдохновение моё, если есть во мне какое вдохновение. Без этого откровенность бесплодна. В моём земном странничестве и одиночестве нашёл я пристань верную – истинное Богопознание... Моими наставниками были почившие телом, живые духом Святые Отцы...»[7]. Этот источник вдохновения – «жажда Христа». Именно этот вдохновенный момент был, надо думать, главной

[4] По ведомости 1890 года: «в Бодбийском монастыре св. Нино Сигнахского уезда Тифлисской губернии 15 насельниц (все русские), из них – 4 монахини и 11 послушниц, а грузинка – дворянка».

[5] Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М.: Изд-во ПСТБИ, 1995. С. 115.

[6] Собрание Серафимо-Знаменского скита.

[7] Цит. по: Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни (555 писем). – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.

причиной встречи на путях жизни великой княгини Елисаветы Феодоровны и матушки Фамари, а впоследствии – создания Серафимо-Знаменского скита с его особой архитектурой, символизирующей проповедь Царства Божия через образный строй.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

С 1905 года «революционно настроенные горцы» неоднократно пытались оказать давление на молодую Бодбийскую игумению Ювеналию II (Марджанишвили), подбрасывали письма с угрозами, наконец в день иконы Божией Матери «Знамение» было совершено вооружённое нападение.

Чудом игумения осталась жива. После этого указом Священного Синода матушку против её желания перевели в Москву, где она сблизилась с великой княгиней Елисаветой. Именно в этот период в ней будет крепнуть присущее ей желание уединения. Было даже выбрано место – Царский скит Серафимо-Понетаевского монастыря в 12 км от Сарова. Она мечтала поселиться в одиночестве и даже уйти в затвор. Но молясь пред местной иконой «Знамение» Серафимо-Понетаевской, трижды получила от неё повеление: «самой устроить в лесу скит для других». «Не искушение ли это?» – с такими сомнениями матушка объехала многих старцев-духовников, в один голос её благословлявших. Это старец Алексий Зосимовский, отцы Варсонофий и Анатолий Оптинские, наконец, окончательное благословение со властию – от наместника Троице-Сергиевой Лавры отца Товии (Цимбала). Можно сказать, это было благословение от самого преподобного Сергия.

Главными помощниками-вдохновителями при создании скита были великая княгиня Елисавета и епископ Арсений (Жадановский), ставший впоследствии старцем скита.

В 1909 году матушка пишет владыке Гермогену: «Владыко дорогой и незабвенный, я как духовного отца прошу Вас помолиться, чтобы Господь утвердил моё желание и стремление служить Ему Единому. Это желание во мне было сильно, когда я ещё была послушницей, и, если помните, я тогда Вам первому высказала. Вы мне, Владыко, тогда сказали, что нужно подождать, что я молода, а если и дальше меня не оставит это желание, тогда можно будет выполнить; вот уж десять лет прошло, а у меня не проявлялось какое-либо другое стремление. Я несу послушание, я всё стараюсь исполнять с любовью, но я твёрдо знаю, что не в этом моё спасение и мой путь иной, он должен меня ближе соединить с Господом. Эта мысль – свет и радость для меня. И это я буду приводить в исполнение постепенно. Благословите меня, незабвенный мой Отец и Владыко. Разве я не права; ведь вся наша жизнь – ничтожная суета, только отдаляющая нас от Господа»[8]. Вспомним благословение отца Иоанна Кронштадтского, попытку матушки поселиться в глухом скиту под Саровом – речь идёт о принятии схимы. Первым предложил матушке схиму схиархимандрит Гавриил (Зырянов), благословили старцы Зосимовой Пустыни – отец Алексий и отец Герман. То же подтвердил глинский духовник отец Климент и постоянно напоминал, чтобы не откладывала своё спасение. Прошение о принятии схимы подписал митрополит Московский Макарий (Невский).

«Я РАДА, ЧТО ЧАША ИСПЫТАНИЯ МНЕ ДОСТАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ МОИХ ДЕТОК»

После убийства великой княгини в 1918 году самыми близкими по духу для матушки станут владыка Арсений и архимандрит Серафим (Звездинский, с 1919 года – епископ Дмитровский). Вот строки из письма епископа Серафима к матушке Фамари: «Не смущайся, родная моя, теперешней суеты и шуму около дорогого тебе улья, вспомни, что делалось, когда молился в пустыне прп. Сергий... Се испытание веры Вашей, есть ли в глубинах сердечных келья, в ней же служба Божия совершается втайне, где кадило благовонное возносится и при окружающем зловонии, где тишина велия при окружающем шуме. Иисус Христос даст это»[9]. Это письмо было отправлено владыкой Серафимом из Бутырской тюрьмы в 1924 году.

В 1931 году была арестована матушка Фамарь и несколько сестёр, иеромонах Филарет (Постников). В ссылке матушка находилась в 1931–1934 годах. Она давно болела лёгкими, а теперь туберкулёз обнаружился. Всё скорбное и болезненное обрушилось сразу, как в чине схимнического отречения: «Будешь алкать и жаждать, нагствовать, терпеть укоризны и досаждения, и уничижения, и изгнания... и когда всё это претерпишь, то радуйся, потому что велика твоя награда на небесах»[10].

Переживания этого времени отражены в письмах матушки. В первых письмах 1932 года читаем: «Иногда нападает малодушие, скорбь... Я обращаюсь к св. Иоанну Златоусту... Если великий из святителей так унывал вдали от близких, то что же говорить обо мне, маленькой пылинке?»[11]

[8] Богословский сборник. Выпуск X. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 294.
[9] «Все вы в сердце моем». Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского. М.: ПСТГУ, 2007. С. 385.
[10] Чин пострига монашеского. Киев: Киево-Печерская Лавра, 2012. С. 154.
[11] Детки мои любимые… Схиигумения Фамарь. Письма. Стихи. Воспоминания / сост. С. Фомин. М.: Сепфора, 2016. С. 108.

Игумения Фамарь (Марджанова)

Игумения Иннокентия (Попова), настоятельница Серафимо-Знаменского скита

Серафимо-Знаменский скит

В письмах 1933 года уже иное устроение:

«Жизнь наша проходит в постоянных треволнениях, но кто себя и своих близких всецело предаёт водительству Божию, тот не предаётся этим треволнениям, веря, что Господь всё устраивает к лучшему»[12]. «Друг друга тяготы носите. Вся жизнь есть терпение, а радость появляется, когда сумеешь победить себя»[13]. «Я рада, что чаша испытания мне досталась сильнее моих деток. Так и должно быть...»[14]

Действительно, чудом она осталась жива и «вернулась к своим бережкам». Последние годы матушка жила среди духовно родных людей, но болезнь постепенно уносила её силы.

В воспоминаниях монахини Серафимы (Осоргиной) это особо отражено: «Главной чертой матушки было то, что она всегда была светла и радостна... При её очень маленьком росте она поражала, прежде всего, какой-то значительностью и духовной силой. Многие боялись в первый раз к ней подойти, заговорить с ней. Но этот страх или, скорее, робость исчезали от взгляда её, полного такой горячей любви и внимательности. У неё были большие, прекрасные, темные глаза. Лицо в старости ещё носило следы необыкновенной красоты и отпечаток грузинского происхождения. Она очень любила Кавказ, любила встречать людей, близких ей по происхождению... Всё в матушке поражало какой-то красотой, изяществом, ослепительной чистотой... Ещё в Перхушково я узнала от одной из сестёр, что матушка носила вериги... что под белоснежным покрывалом на кровати – доски, на которых она спала. Да и много ли она спала... Она заботилась о своих «детях» до последней минуты земной жизни. А молитвой своей поддерживает и не оставляет их и теперь»[15]. «Велика была сила её молитвы. Как-то раз она сказала мне по поводу одного моего личного переживания: “Не бойся, я буду за тебя молиться”. И я реально чувствовала ограждающую силу её молитвы. Вся она была полна этим огненным пламенем веры и молитвы»[16].

Известно, что в последние месяцы матушка полностью потеряла голос, не могла даже говорить, невольно предаваясь подвигу молчальничества.

Она тихо отошла ко Господу 23 июня 1936 года. В этот день Церковь вспоминает всех Сибирских святых, среди них причисленного к лику святых в 2000 году матушкиного незабвенного духовника – священномученика Гермогена, епископа Тобольского.

Днём основания Дивеевской обители таким дорогим для матушки старцем Серафимом является день закладки мельницы в будущей Мельничной обители 9/22 декабря 1826 года. Через 190 лет, 22 декабря 2016 года, в Патриаршей резиденции в Тбилиси под председательством Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II состоялось заседание Священного Синода Грузинской Православной Церкви, в ходе которого схиигумения Фамарь была канонизирована и причислена к лику святых как преподобноисповедница. 28 декабря 2017 года Священный Синод Русской Православной Церкви определил включить имя святой в месяцеслов Русской Православной Церкви, установив днём её памяти 10/23 июня.

На могильном кресте матушки Фамари по благословению владыки Арсения высечены слова: «Веруяй в Мя имать живот вечный» – как пожелание и всем нам услышать глас вечной радости. КФ

[12] Детки мои любимые… Схиигумения Фамарь. Письма. Стихи. Воспоминания / сост. С. Фомин. М.: Сепфора, 2016. С. 113.
[13] Там же. с. 120.
[14] Там же. с. 97.
[15] Там же. С. 159–160.
[16] Там же.

«Я хочу вечно жить». Блокадный дневник

Текст подготовили к публикации Г.П. Якимович и Н.С. Микова. Фото из архива семьи Якимович.

В прошлом году был найден архив большой семьи. Дневники, фотографии, письма. Первые даты относятся к 50-м годам XIX века. Наиболее выдающиеся члены семьи оставили свой след в истории России. Народовольцы, письма из царской ссылки, предреволюционное и революционное время, 30-е годы, блокадные дневники, письма с фронта... Наследники знали, что архив существует, но никогда не заглядывали в картонные коробки, набитые аккуратно перевязанными папочками. Ни одна строчка из него никогда не была опубликована. С архивом в будущем предстоит громадная работа. А пока нам разрешили опубликовать фрагменты одного из блокадных дневников. Его автору Ирине Антоновне Якимович (1924–2018) в 1941-м было 17 лет.

Блокада Ленинграда длилась 872 дня: с 8 сентября 1941 года до 27 января 1944 года (в январе 1943 года в ней был пробит узкий 10-километровый коридор). В этом году исполнилось 75 лет её окончания.

Ленинград был вторым по значению городом СССР с населением (на 1 января 1941 года) около 3 млн человек, с более высоким, чем обычно, процентом нетрудоспособного населения, в том числе детей и стариков. На 1 мая 1943 года население города составляло 640 тысяч человек.

За период блокады были эвакуированы 1,5 млн человек, и почти 1 млн человек погибли от голода и холода в осаждённом городе. Большинство из них не пережили страшной, необычайно холодной зимы 1941–1942 гг.

1 ЯНВАРЯ 1941 Г.

Я решила, что буду всю жизнь вести дневник и именоваться он у меня будет так (по периодам): «Дневник десятиклассницы», «Дневник студентки» и, когда у меня будут премилые бэбики, «Дневник матери». Это будет очень интересно. Потом до чего приятно будет читать свою жизнь.

6 ИЮЛЯ 1941 Г.

Первые слова о том, что никогда не могло свершиться по моему представлению, но что свершилось. Война с Германией началась... За 14 дней войны, мне кажется, нам не везёт. Большую территорию заняли немцы. Ничего! Кто это там вздумал рыпаться? Не выйдет!!! Много ляжет народа, но победим! И кто знает, многие ли наши знакомые останутся живы... Но что мы победим, в этом я уверена точно так же, как и в том, что я есть Ирина Якимович.

11 ИЮЛЯ 1941 Г.

Война уже давно. Уже более двух миллионов убитых и раненых... В ночь на 23 июня была первая тревога. Страх, да, страх. Совершенно нормальное, естественное чувство каждого живого существа, а тем более, человека. Трудовая повинность с 5 июля в совхозе «Предпортовом»: ягоды, свёкла, семенники, картофель, капуста. Сколько волнений с этим Университетом. На русское отделение филологического, куда я подала, 4 отличника на одно место. Если ректор разрешит, то я буду принята сверх контингента. Сегодня решается судьба. Неужели же не примут? Молилась Богу, только бы попасть, но... что-то будет? Сейчас еду туда. Мешает воздушная тревога. Братцы, не подкачайте! Покажите ему, что значим мы.

22 АВГУСТА 1941 Г.

А я в Университете. С 12 августа на окопах. Первый раз в жизни ехала в теплушке. Сарай; солома; пища один раз в день; полбуханки хлеба и столовая ложка сахарного песку; работа на окопах; дёрн («дерно»), конвейер, ожидания; предчувствия; слухи. Грусть, частая, глубокая грусть... Молниеносное движение четырёх самолётов с жёлтыми крыльями и чёрными крестами; пожар в деревне, взрывы, спасание бегством; картошка; лес. Страх, всегда страх.

6 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

С 8 сентября начали ночевать в подвале, а числа с 15-го окончательно перебрались жить в подвал. Неужели это правда? Дома все разворочено. Лучшие вещи перетаскали в подвал. Спасём ли? Да и спасёмся ли? 21 день жить под страхом смерти. Это ужасно! Питаемся уже абы как: все вместе или, наоборот, все отдельно. Умываемся не каждый день, спим втроём поперёк постели, не раздеваемся. С 8 сентября началась бомбардировка города... Каждую ночь город бомбят. До Нарвских ворот на улицах баррикады. Провода все прерваны. Воды нет! (Надо ходить в машинное отделение), электрического освещения нет. Когда кончится керосин, будем сидеть впотьмах. Всё пережить можно. И единственное, единствен-

ное желание – остаться живой. Снаряды летают всё время.

14 ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Фактически студенткой я была всего лишь неделю. Слушала И.И. Толстого[1]! (античная литература) и лекции по славянской филологии, фольклору, языкознанию, современному литературному языку; было два занятия по французскому языку (я взяла французский) и одно по латинскому. Это было счастье! В Университет я рвалась, неслась на крыльях, стремилась! Да, да, там было счастье! «Но счастье не вечно...» Вот вам и ответ на вопрос – что надо человеку, чтобы быть счастливым? – Сидеть сытой, одетой и спокойной на университетской скамье. Много? Я была счастлива 7 дней.

И не веруешь в Бога, да будешь верить, когда так туго придётся.

11 НОЯБРЯ 1941 Г.

Если бы я имела возможность писать дневник каждый день! Это отдых, забытьё, «сытость»! Вот ещё беда! Писать не могу, потому что надо экономить керосин. В большом цивилизованном столичном городе, чтобы не было электричества! Да, впрочем, смешно говорить о цивилизации. «Зацивилизировались» слишком, потому нет ни света, ни воды, ни дров, ни еды. Поесть, только бы поесть. Тогда всё будет в другом свете; только не в розовом. Розовый свет для тех, кто не хлебал горя в жизни. А для меня сейчас «красное и чёрное».

16 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Жизнь сейчас как-то притухает, мне кажется. Может быть, добрая половина людей обречена на глупую, бесславную и бесцельную гибель, но общая жизнь никогда не умрёт. Всё воскреснет! Всё расцветет! Всё забьет ключом! Только когда это будет, я не знаю. А за бесцельное вымирание миллионов людей кто-то обязательно жестоко поплатится!

22 ДЕКАБРЯ 1941 Г.

Полгода войны! Четыре месяца нечеловеческой жизни! Вчера с мамой ходили пешком на Петроградскую сторону. Искали людей, которые поменяли бы дуранду[2] на какие-нибудь вещи. Можно что-нибудь найти за спирт и за вино. Но где его много взять?

Встретила Нюру! Боже ты мой! Ну и вид! Под глазами сине-жёлтые круги, бледная, худая! И обидно то, что помочь я ей ничем, абсолютно ничем не могу. Мне самой до такой степени хочется есть, что больше я ни о чём не думаю. Есть, только поесть... Только не умереть от голода. Работаю в поликлинике № 4 регистратором. Вчера получила по своей карточке 3 кружки пива. Тут же с приплатой 15 рублей променяла их на 10 поленьев и 5 досчастых плашек. Съела миску хряпового супа и три ложки риса, разбавленного горячей водой плюс чай с сахаром. Сахар ещё есть.

У водосточной трубы стоял жёлтый, худой мужчина. Он обхватил её руками, стараясь удержаться на ногах. Глаза его вытаращены, но блестят тускло, будто подёрнуты мутной плёнкой. Он медленно сползал вниз телом по трубе, шевеля губами, стараясь что-то произнести. Люди либо бежали, либо плелись мимо. Разве они могут помочь ему, если завтра они будут стоять на его месте.

Красивый бульвар на Большом! Был красивым... На загородочке газона вечером в совершеннейшей тьме сидит мужчина, склонив голову. Остановилась перед ним. Женщина спрашивает адрес. Он тихо, чуть-чуть ворочая языком, говорит его. Договорились. Она побежала к нему домой, а он остался сидеть на бульваре и ждать... Чего ждать?.. Смерти?..

Наши войска взяли Чудово. А живот и рот всё так же упорно просят, чтобы их чем-либо наполнили.

20 ЯНВАРЯ 1942 Г.

Сегодня была у нас Муся. Сколько радости! Во-первых, она сама, а, во-вторых, принесённые ею 300–350 грамм хлеба[3] и 8 картофелин. Голодному дать хлеб и картошку! Поищите ещё в Ленинграде сейчас такую благородную душу! Правда, ещё тетя Дина. Тоже в высшей степени благородный человек. Мы обязаны ей по гроб жизни. Я написала Мусе письмо, в котором пишу, что слов для благодарности нет, что будет возможность, и я ей отплачу чем угодно, а пока уверяю её в преданности ей и нашей дружбе. «Ведь мы же друзья!» – сказала она сегодня. Друзья! Друзья! – ору, как сумасшедшая я. Я для тебя сделаю всё, что угодно, дорогой, огромный друг. Кто был в Ленинграде зимой 1941/42 г., тот знает цену жизни. Теперь у каждого надо спрашивать: «Ты знаешь, что такое война?» и «Ты знаешь, что такое голод?».

Какая у Муськи душа!.. Чем же отплатить? Мне уже кажется смешным тот случай, когда я голодного с кошкой тащила на себе в больницу Ленина. Что творится сейчас? Из 10 лиц одно не опухшее. Из 100 человек 20 покойников. 1400000 умерших от голода за эту осень и зиму (до середины января).

23 ЯНВАРЯ 1942 Г.

На рынке ничего нельзя достать. Вещи продаются за бесценок. Платье, которое год тому назад стоило 400–600 руб., сейчас можно купить за 200–300 г хлеба. Хлеб либо слишком чёрный, безумно невкусный (с дурандой), либо слишком белый, много вкуснее (с опилками). Правда, в последние дни немножко лучше стал. Мусин был вкусный, вкусный.

[1] Иван Иванович Толстой (1880–1954) – филолог, академик, специалист по древнегреческой литературе и языку. С восстановлением в ЛГУ филологического факультета стал профессором кафедры классической филологии (1937–1953).

[2] Дуранда – жмых. Остатки семян масличных растений после выжимания из них масла считались хорошим кормом для скота. Её распаривали в кастрюле до консистенции каши или же запекали. В самую страшную и голодную первую блокадную зиму дуранда спасла жизни сотен тысяч ленинградцев.

[3] Это почти в три раза больше минимальной суточной нормы (125 г).

Сегодня в поликлинике на каменном ледяном полу корчилась и стонала умирающая женщина. Никто её не поднял, никто не перенёс в тёплое место (хотя такового в поликлинике нет). Она умрёт, если уже не умерла. Никому нет никакого дела. Привыкли, бездушные; потому что в день умирают сотни и тысячи. А на фронте всё так же беспросветно, безнадёжно.

Продали за 2 кило мяса две пары Павиных брюк, две бутылки вина, спирт 70%, денатурату 100 г и лекарства. Не сердись, брат. Ты наживёшь себе и брюки, и костюмы, а нам так неумолимо хочется кушать. Есть, есть... Зачем война? Зачем голод? Зачем мучения стольких миллионов людей, тем более безвинных? Ну, за что страдает баба, которая не может получить в магазине свои несчастные 200 г крупы или 100 г повидла? За какие провинности посадили её на 125–200 г хлеба в день? За какие преступления осыпают её чуть ли не каждый день градом снарядов, несущих смерть и горе? За что? Почему? За что умирают от голода безвинные дети 10–12–14 лет? Неужели же так нужно? Неужели же так долго может продолжаться? Велик, братцы, велик русский народ в своём терпении.

2 ФЕВРАЛЯ 1942 Г.

Дожили до февраля. 1 февраля я первый раз встала с отёками на лице. Ко дню разошлись. Новостей много. Впервые в жизни и впервые во время войны в субботу 31 января я таскала покойников... Я выносила одного мужчину и одну женщину. Тяжёлые очень трупы. В гараже их штук 25: есть голые; замёрзшие, жёлто-синие. Не успеют прибрать трупы, как их уже разденут: снимут валенки, пальто, вынут карточки или деньги и т. п.

Мама получает с 25 января 400 г хлеба, я – 300, Люля – 250 г. Всего в день 950 г. Мало до ужаса. Если бы не тётя Дина, мы бы давно ходили опухшими. Я была у неё в субботу в Ручьях. По пути – дай думаю – сосчитаю, сколько мне покойников встретится. Туда шла – 5 встретила. А назад шла... 367–407 встретила. 7 везли поодиночке на саночках, а 350–400 везли на грузовых машинах (пятитонки с прицепами!) Их увозят за город и там взрывают. На грузовиках они лежат ничем непокрытые, многие голые, волосы развеваются по ветру, нечеловеческие лица. Конечно, все умершие от голода. А в день умирает людей не 367 и не 407, а тысячи и десятки тысяч.

Уважаемый дядя сказал очень мудрую фразу – никакие государственные и политические цели не могут оправдать те ужасные страдания, которые переносит народ. Он прав. Сто тысяч раз прав. Умерла 13-летняя девочка Лиля, дочь нашей санитарки. Вшивая и голодная, она всегда стояла за супом у нас в столовой. А после того, как она съела с сестрой (поменьше возрастом) по пачке чёрного кофе с сахарином, она умерла. Сестра корчится тоже. В предсмертных судорогах.

Есть хочется. Но терпимо. Поэтому и пишу. Иногда почитываю энциклопедию. Воду возим и носим с Невы.

20 ФЕВРАЛЯ 1942 Г.

Ленинград живёт с лучинками и коптилками.

Дневник! Люля тебе кланяется. Просит записать, что главное – это «каловая» проблема! Дворы стали хуже бог знает каких уборных. Удобряются обильно! Нечистоты текут реками. Это во время-то мороза. А подтает?

Умер дядя Коля Иванов; но не от голода. Сердце не выдержало. В другое время можно было бы и спасти. Ну, а теперь... Верушка голодает хуже нас. Надо бежать на службу. Чем бы помочь Верушке? Снесла ей кусок сахару и 4 сухарика. Но ведь это капля, а для того, чтобы прожить, нужно по крайней мере озеро, если не море. Ни озера, ни моря еды нет. Переживём ли?.. Немцы весной будут, наверное, наступать. Тошно...

2 МАРТА 1942 Г.

Город, конечно, страшен. Убийства. Почти безвластие. Жаловаться некуда. Где найти так глупо погибшего Бориса Николаевича Раевского? Пропал. Власти (милиция) отказываются его искать. Люди тают, как свечки.

Помоги нам Бог! Обстрелы частые. Кило хлеба стоит 300–350 руб. Поела «матарженников» из овса, который с мучительным трудом пропустили с Люлей через мясорубку два раза. Кто думает сейчас из наших родных и близких, что такое безумие творится в Ленинграде. И когда же конец?

5 АПРЕЛЯ 1945 Г.

Инна спросила: «Если бы явился волшебник и спросил у тебя об одном самом большом твоём желании; только желании для тебя, а не для людей; и он мог бы исполнить его. Что бы ты сказала?»

Я: «Вечно жить. Прожить до 70 лет. Потом опять родиться. Потом опять прожить до 70, умереть, опять родиться, и так всегда – только жить!»

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования
о братской и общинной жизни в истории
и современности, о трагическом и полном надежды
и силы духа опыте новомучеников церкви русской,
тексты православного богослужения на русском языке
в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе
в электронном формате), беседы для тех,
кто готовится к вступлению в Церковь

**Среди наших новинок ранее
не издававшиеся книги:**
«Ива Эдесский и его время»
протопр. Николая Афанасьева,
«Евхаристическая экклезиология
сегодня»,
«Хрестоматия по мистагогии»,
свежие выпуски альманаха СФИ
«Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

http://c.sfi.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

РУССКИЕ БЕСЕДЫ

«Кифа» в нескольких номерах уже рассказывала о «Русских беседах». В наступившем году мы возвращаемся к этой теме и хотим напомнить читателям, о чём шла речь в прошлом году.
Вот что говорил один из соучредителей бесед, духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков: «Нам надо было посмотреть: а есть ли вообще сейчас русская жизнь? Может ли она возрождаться или уже совсем нечего возрождать? Оказалось, что может, и есть, что возрождать. Самые разные люди: и верующие, и неверующие, и православные, и неправославные, потомки аристократов из самых звучных и славных русских фамилий и в то же время люди простые, и люди учёные, и люди, которые трудятся совершенно на другом поприще, люди разных возрастов и положений брали самые горячие, самые актуальные темы и удивительно быстро, и очень мирно приходили к определённым выводам. Это удивительное мирное единство, с которым мы вдруг столкнулись, для нас оказалось радостным откровением и надеждой на будущее».